

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования «Красноярский государственный медицинский  
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»  
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Фармацевтический колледж

## **Литература**

сборник методических указаний для обучающихся  
к внеаудиторной (самостоятельной) работе  
на базе основного общего образования

В 2 частях

Часть 2

Красноярск  
2017

УДК 82(07)

ББК 83

Л 64

Литература. В 2 ч. : сб. метод. указаний для обучающихся к внеаудитор. (самостоят.) работе на базе основного общего образования / сост. Л. Н. Коновец ; Фармацевтический колледж. – Красноярск : тип. КрасГМУ, 2017. – Ч.2. – 85 с.

**Составители:** Коновец Л.Н.

Сборник методических указаний предназначен для внеаудиторной работы обучающихся. Составлен в соответствии с ФГОС СОО (2012 г.) на базе основного общего образования, рабочей программой дисциплины (2015 г.) и СТО СМК ФК 8.3.02-17. Выпуск 3.

Рекомендован к изданию по решению методического совета  
Фармацевтического колледжа (протокол № 10 от 19 июня 2017г.)

© ФГБОУ ВО КрасГМУ  
им. проф. В.Ф.Войно-Ясенецкого  
Минздрава России, Фармацев-  
тический колледж, 2017

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                                                                  |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| ВВЕДЕНИЕ.....                                                                                                                                                                                    | 4  |
| Становление жанра романа-антиутопии в 20-е годы – становление<br>нарастающей тревоги за будущее.....                                                                                             | 8  |
| Альтернативная публицистика 20-х годов («Грядущие<br>перспективы» М. Булгакова, «Несвоевременные мысли» М.<br>Горького, «Письма Луначарскому» В. Короленко, «Окаянные дни»<br>И. Бунина и др.).. | 35 |
| Контрольные вопросы.....                                                                                                                                                                         | 82 |
| Список литературы.....                                                                                                                                                                           | 84 |

## **ВВЕДЕНИЕ**

Сборник методических указаний по Литературе предназначен для внеаудиторной работы студентов, обучающихся на базе основного общего образования

Содержание сборника соответствует тематическому плану рабочей программы дисциплины.

Содержание пособия соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта на базе основного общего образования.

В результате изучения дисциплины обучающийся **должен уметь:**

- работать с книгой;
- определять принадлежность художественного произведения к одному из литературных родов и жанров;
- выявлять авторскую позицию; выражать свое отношение к прочитанному;
- выделять и формулировать тему, идею, проблематику изученного произведения;
- характеризовать героев, сопоставлять героев одного или нескольких произведений;
- характеризовать особенности сюжета, композиции, роль изобразительно-выразительных средств;
- выразительно читать произведения (или фрагменты), в том числе выученные наизусть, соблюдая нормы русского литературного произношения.

В результате освоения дисциплины обучающийся **должен знать:**

- литературных произведений, подлежащих обязательному изучению;
- историко-культурного контекста изучаемых произведений;
- основных теоретико-литературных понятий

Дисциплина «Русский язык и литература» ориентирована на достижение следующих результатов обучения: *личностные*:

- сформированность мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, основанного на диалоге культур, а также различных форм общественного сознания, осознание своего места в поликультурном мире;

- сформированность основ саморазвития и самовоспитания в соответствии с общечеловеческими ценностями и идеалами гражданского общества; готовность и способность к самостоятельной, творческой и ответственной деятельности;

- толерантное сознание и поведение в поликультурном мире, готовность и способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения;

- навыки сотрудничества со сверстниками, детьми младшего возраста, взрослыми в образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, проектной и других видах деятельности;

- готовность и способность к образованию, в том числе самообразованию, на протяжении всей жизни; сознательное отношение к непрерывному образованию как условию успешной профессиональной и общественной деятельности;

- эстетическое отношение к миру, включая эстетику быта, научного и технического творчества, спорта, общественных отношений;

метапредметные:

- сформированность представлений о социальных, культурных и исторических предпосылках развития русского языка; сформированность представлений о исторических факторах становления литературы;

- сформированность основ гуманитарного мышления;

- сформированность умений применять полученные знания при выполнении упражнений и творческих работ, при анализе произведений;

- сформированность представлений о русском языке и литературе как части общечеловеческой культуры, международном и мировом языке науки, позволяющем описывать и изучать реальные процессы и явления; предметные:

- сформированность понятий о нормах русского, родного (нерусского) литературного языка и применение знаний о них в речевой практике, представлений о литературе как части мировой культуры и о месте писателей в современной цивилизации, о способах описания художественным языком явлений реального мира, представлений о литературных понятиях как о важнейших художественных моделях, позволяющих описывать и изучать разные процессы и явления; понимание возможности художественной речи;

- владение навыками самоанализа и самооценки на основе наблюдений за собственной речью; владение анализом художественного произведения; умением определять принадлежность художественного произведения к одному из литературных родов и жанров;

- владение умением анализировать текст с точки зрения наличия в нем явной и скрытой, основной и второстепенной информации, владение приемами выразительной речи, строить устные и письменные высказывания в связи с изученным произведением; участвовать в диалоге по прочитанным произведениям, понимать чужую точку зрения и аргументированно отстаивать свою точку зрения; - владение умением представлять тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров;

- знание содержания произведений русской, родной и мировой классической литературы, их историко-культурного и нравственно-ценностного влияния на формирование национальной и мировой;

сформированность представлений об изобразительно-выразительных возможностях русского, родного (нерусского) языка, об основных понятиях, идеях и методах художественного анализа; об особенностях сюжета, композиции, роли изобразительно-выразительных средств;

- сформированность умений учитывать исторический, историко-культурный контекст и контекст творчества писателя в процессе анализа художественного произведения;

- способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать свое отношение к ним в развернутых аргументированных устных и письменных высказываниях;

- владение навыками анализа художественных произведений с учетом их жанрово-родовой специфики, осознание художественной картины жизни, созданной в литературном произведении, в единстве эмоционального личностного восприятия и интеллектуального понимания, владение основными понятиями о литературных родах и жанрах;

- сформированность представлений о системе стилей языка художественной литературы, о процессах и явлениях русской литературы 19-20 вв.;

- владение навыками работы с книгой (находить нужную информацию, выделять главное, сравнивать фрагменты, составлять тезисы и план прочитанного, выделяя смысловые части).

## **СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА РОМАНА-АНТИУТОПИИ В 20-Е ГОДЫ – СТАНОВЛЕНИЕ НАРАСТАЮЩЕЙ ТРЕВОГИ ЗА БУДУЩЕЕ.**

### **Замятин Мы**

Замятин искал новые пути творчества. Он полагал, что после революции жизнь стала иной и изображаться должна по-другому. Новую реальность не может адекватно отразить ни толстовский реализм, ни символизм — на смену им должен прийти неореализм.

Е. Замятин полемизировал с теоретиками Пролеткульта, утверждавшими, что «машинизирование» жизни влияет и на психологию пролетариата, что со временем не станет индивидуальности, индивидуального мышления, а будет существовать «объективная психология целого класса». Во многом роман «Мы» направлен против такого толкования. Однако только политической полемикой это произведение не ограничивается. Роман «Мы» стал образцом жанра антиутопии.

Аллегорические антиутопии существовали в литературе давно. В русской литературе первой антиутопией называют роман М. Хераскова «Кадм и Гармония» (1786), к антиутопии относят Легенду о Великом Инквизиторе из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В ней есть то, что является одним из признаков этого жанра — мотив навязанного счастья, к которому ведут силой. На рубеже XIX—XX веков в русской литературе появилось много произведений, имеющих признаки — скорее на уровне социально-философском, чем на художественном — антиуто.

Антиутопия является опровержением в художественной форме веры в достижение справедливого миропорядка в исторической реальности. Если утопия изображает совершенный мир, чаще всего изолированный, «земной рай», то антиутопия развенчивает принципы идеального общества, в ней прослеживается мотив «изгнания из рая». Утопическое общество чаще всего показано глазами стороннего наблюдателя, оказавшегося там и восхищающегося новым миропорядком. Мир будущего в антиутопических произведениях показан изнутри, с позиции обитателя этого мира, который

может узнать все принципы устройства этого общества на собственном опыте. Утопические произведения — произведения фантастические, так как продемонстрировать устройство нового мира можно лишь при помощи фантастики. Антиутопия тоже фантастична, основные приёмы этого жанра — пародия и гротеск. Не случайно появление романа-антиутопии в то время, когда возникло государство, воплощавшее мечты человечества о всеобщем счастье.

В антиутопических романах отчётливо выделяются два типа «идеального» общества. В романах «Мы» Е. Замятина и «Приглашение на казнь» В. Набокова благополучие государства и граждан основано на удовлетворении самых примитивных потребностей.

Это «благополучное небытие взрослых истуканов» ( В. Набоков). Более поздние романы немецкого писателя Г. Гессе « И гра в бисер» и американского фантаста А. Азимова «Конец вечности» предлагают иной принцип благоденствия. Однако принцип устройства общества одинаков: оно основывается на духовной! несвободе людей, его населяющих. Роман-антиутопия, однако, не с только социальная сатира, сколько жанр философский, предполагающий размышления о принципах организации человеческого общества, о внутренней свободе и несвободе личности.

Единое Государство, показанное в романе «Мы», это царство победившей утопии. Люди в нём не думают о жилье, 111 гании — государство обеспечивает им необходимый уровень жизненного комфорта. Жизнь в Едином Государстве предельно механизирована. Но за удобства существования пришлось расплачиваться утратой имени и индивидуальности. Единое Государство не является пародией на Страну Советов, потому что в 1920 1921 годах Советское государство только создавалось. Однако система, господствующая в Едином Государстве, демонстрирует, к чему приводит насильственное движение к счастью, всеобщее планирование и «машинизация». Существование нумеров может

быть приравнено к существованию людей в «золотом веке», во всяком случае, так считают сами граждане Единого Государства.

Государство построено на принципе несовместимости счастья и свободы. Понятие «идеальной несвободы» кажется гражданам Единого Государства единственным разумным принципом построения общества: нумера по расписанию получают возможность удовлетворять все естественные потребности. Удовлетворены потребности в пище, любви, в «зрелищах». Человечество приведено к счастью железной рукой. У счастья появилась формула: «Счастье равно блаженство, делённое на зависть». В этой формуле не учтены только духовные потребности человека. Нумера не знают таких слов — их счастье остается в сфере физиологии.

Развитие, движение вперёд в Едином Государстве уже невозможно. Нумера благоденствуют, государственная машина отлажена. Но отсутствие движения означает отсутствие прогресса. Для Замятина существовало два важнейших состояния общества — энтропия и революция.

Догматизация в науке, религии, социальной жизни, искусстве — энтропия мысли; догматизированное уже не сжигает, оно — греет, оно — тепло, оно — прохладно». Процесс догматизации и последующего революционного взрыва, по Замятину, неизбежен. Под энтропией он подразумевал «стремление мировой энергии к покою — к смерти». Энтропия предполагает отсутствие свободы, а свобода — это то, что в замятинской концепции человека занимает важнейшее место. Причём для него наиболее ценен человек, имеющий внутреннюю свободу. Такая свобода невозможна для того, кто руководствуется только разумом. Разум ограничивает человека. Замятин всегда приветствовал проявления всего иррационального.

Идеальным не только номером, но и человеком для Замятина является номер 1-330, в котором сосуществуют разум и иррациональное. Именно 1-330 высказывает заветные мысли автора: «А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней — нет, революции — бесконечны. Последняя — это для детей: детей бесконечность пугает, а необходимо — чтобы дети

спокойно спали по ночам...»; «Тебе, математику, — разве не ясно, что только разности — разности — температур, только тепловые контрасты — только в них жизнь. А если всюду, во всей вселенной, одинаково тёплые — или одинаково прохладные тела... Их надо столкнуть — чтобы огонь, взрыв, геенна. И мы — столкнём».

Центральный персонаж романа Д-503 боится таких мыслей своей возлюбленной. Он вслед за всеми жителями Единого Государства воспекает «божественно-ограничивающую мудрость стен, преград». Стена отделяет «машинный, совершенный мир от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных...». Природное начало чуждо механизированному миру нумеров. Вообще, в романе «Мы» рациональное и иррациональное противопоставлены на уровне вполне материальном. Природное начало выражено не только в речах 1-330, но и в Древнем Доме, его интерьере и наполняющей его утвари, старинных платьях героини, наконец, в том, что существует за Зелёной Стеной.

В центре авторского внимания в романе «Мы» находятся человеческие личности. Но действие во многом сосредоточено вокруг «Интеграла». Это не просто космический корабль, он призван принести на другие планеты идеологию Единого Государства. Но что будет после того, как он отправится в полёт, не знает никто: ни рядовые нумера, ни Мефи, ни его Строитель. «Интеграл» становится просто объектом поклонения. Завладевший им победит. Разрешение всех проблем персонажи романа связывают с «Интегралом», чьё предназначение им неясно. Но есть человек, знающий, для чего нужен «Интеграл», — это Благодетель. Он знает всё. Это именно он связал нумеров «по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья». Он создал Единое Государство, воплотив на земле утопию. Но, совершив благодеяние, он неизбежно становится палачом, начинает исполнять карательную функцию.

Однако утопия завершена не до конца. Даже законопослушный нумер может заразиться революционными настроениями. Даже 0-90 не желает

подчиняться правилам Единого Государства и отдавать своего ребёнка. Всеми мешает фантазия, душа. Но государство нашло решение и этой проблемы. Разделение души и тела происходит путём хирургической операции. Отделение души от тела всегда означало смерть. После Великой Операции и наступает духовная смерть Д-503. В романе «Мы» процесс, бывший всегда таинственным, непостижимым, обретает вполне конкретные черты, но от этого не становится менее страшным. Наоборот — это страшнее, чем естественная смерть. Да и сама смерть становится зримой — человек превращается в лужицу химически чистой воды. Теперь смерть — «знамение нечеловеческой мощи Благодетеля».

Итак, роман Е. Замятина «Мы» — антиутопия. Антиутопия возможна там, где существует противостояние какому-либо идеологическому догмату. В ней реализуются в первую очередь функции предупреждения, предостережения. Антиутопический конфликт представляет собой конфликт между тоталитарным режимом и личностью героя.

### **Платонов Чевенгур**

“Чевенгур” — большой роман, над которым Платонов работал несколько лет. Роман рассказывает об Октябрьской революции в центральных губерниях России, о людях, которые защищали революцию в гражданской войне, о “строителях стран”, об их идеях, мыслях, переживаниях. Платонов показывает не только то, как идеи овладевали массами, но и то, как эти массы осваивали новые идеи. Ускоренное освоение народными массами нового мировоззрения, наряду с революцией этих масс, порождало и противоречивые, утопические представления о социализме. Платоновские герои, “готовые неизбежно умереть в обиходе революции”, впитывали в себя идеи социализма, причудливо сочетая их со старыми понятиями и взглядами.

В романе сталкиваются утопические надежды перестроить мир “по коммунистическому велению” и “хотению масс” с необходимостью

повседневной кропотливой работы. Его герои наивно надеются, что “социализм где-нибудь нечаянно сложится вместе от страха бедствий и для утешения нужды”.

Главный герой романа — Александр Дванов. Он сирота, мастер (важное для Платонова понятие), коммунист. Этот герой, размышляющий, одаренный свойством сопереживания (“сочувствовал любой жизни”) больше всего соответствовал замыслу писателя. Саша Дванов, “самосозданный” народный интеллигент, проходит через смерть, трупы, тоску, сам чуть не умирает от голода, воспаления легких. Он отправляется в город Чевенгур, где образовался полный коммунизм, по дороге встречается со Степаном Коненкиным, освободившим Сашу из рук бандитов. Коненкин — бывший комиссар “полевых большевиков”, а ныне одиноко скитающийся паломник к могиле Розы Люксембург, беззаветный рыцарь идеи всеобщего равенства и полного душевного товарищества, причем равенство понимается как одинаковость физическая, умственная, духовная. Такое равенство сделало бы невозможным никакое развитие, при его достижении стала бы невозможной сама жизнь. Коненкин едет в далекую Германию освобождать от “живых врагов коммунизма” мертвое тело Розы Люксембург.

Коненкин и Дванов проезжают деревню Ханские Дворики, где уполномоченный переименовал себя в Федора Достоевского, а за ним и весь актив окрестился кто в Христофора Колумба, кто во Франца Меринга. Затем они попадают в коммуну “Дружба бедняка”. Все члены ее правления занимают должности и носят длинные и ответственные названия.

Никто не пашет, не сеет, чтобы себя от высокой должности не отнимать. Та же трогательная и детская компенсация прежней униженности, что и переименование в Достоевских и Колумбов. Наконец они достигают Чевенгура, где Чепурный и его товарищи установили коммунизм. Чевенгурцы живут по-евангельски беззаботно, они не желают трудиться, одной только силой веры они стремятся приблизить реальный коммунизм, а пока в центре внимания — абсолютное равенство, обожание товарищей, их

душ.

Роль идеолога выполняет Прокофий Дванов, хитрый мужик. В многодетной семье его родителей какое-то время жил приемыш Саша, пока в голодный год его не выгнал из дома тот же маленький Прошка, уже тогда отличавшийся жестоким оборотистым умом и характером. Трудная жизнь отточила эти качества, усугубила корыстность. В Чевенгуре Прокофий воссел грамотеем и умником, идеологическим помощником при Чепурном. “Прокофий, имевший все сочинения К. Маркса для личного употребления, формулировал всю революцию как хотел — в зависимости от настроения Клав-дюши и объективной обстановки”.

Именно Прокофию принадлежит мысль тотального уничтожения “густой шелковой буржуазии”, населявшей город. Платонов подводит к страшному парадоксу: горя изначально идеалами “душевного равенства”, всемирного братства, его представители закончили тотальным разделением на “чистых” (пролетариев, босоту) и “нечистых” (буржуи и т. д.), и вышибаются жизнь и душа у всех буржуев Чевенгура. Коммунары действуют с уверенностью и воодушевлением, но в душах их возникает тоска, несмотря на то, заглушается она мыслью о грядущем пришествии коммунизма: вроде все для не го сделали, всех гадов перебили, имущество уничтожили, “голое место” готово, остались одни товарищи и ждут первое утро “нового века”. Но оказывается, что накал одной только веры не может вызвать чуда. Нельзя объявить наступление коммунизма, как нельзя отменить смерть. Беспочвенная идея тонет, разрушается и Чевенгур каким-то страшным вражеским отрядом, что символизирует саморазрушение заблудившегося в лесу превратно понятых идей общества.

Гротескный роман завершается дорогой, открытостью в будущее, надеждой. Платонов зовет к такому строю бытия, где каждая личность одна от другой “не слишком далеко” (нераздельность) и “не слишком близко” к будущему звездному строю настоящего братства и любви.

Собственная оценка рукописи “Чевенгура”: “Ее не печатают, говорят, что

революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами... в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества”. В искренности сомневаться не приходится, так же как и в том, что отобразилась не идиллическая сказка, а жестокая и страшная реальность: дар художника прорывается там, где человек слеп или же хочет быть слепым.

А вот что говорит Горький о “Чевенгуре”: “Хотели вы этого или нет, — но вы придали освящению действительности характер лирико-сатирический ”. “Пишете вы крепко и ярко, но этим еще более ... подчеркивается и отражается ирреальность содержания романа, а содержание граничит с мрачным бредом”, — пишет Горький, но уже позже.

### **Платонов Катлован**

Тема произведения — строительство социализма в городе и деревне. Строительство социализма в городе заключается в возведении нового здания, «куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата». Строительство социализма в деревне состоит в создании колхоза (имени Генеральной линии) и уничтожении кулаков. Реализацией этого единого проекта и заняты герои повести. Тридцатилетнего рабочего Вощева, продолжающего платоновскую вереницу искателей смысла жизни, увольняют с завода «вследствие роста ... задумчивости среди общего темпа труда», и он попадает в бригаду землекопов, готовящих котлован. Во время работы масштабы котлована все увеличиваются и достигают неправдоподобно грандиозных размеров. Соответственно все более масштабным становится и проект строительства «общего дома». Двоих рабочих направляют в деревню, чтобы помочь беднякам провести коллективизацию. Они погибают от рук неизвестных « кулаков ». Товарищи погибших доводят до конца дело коллективизации и расправы над кулаками.

Название романа «Котлован» приобретает обобщенный символический смысл. Котлован — общее дело, коллективизация усилий и надежд, коллективизация жизни и веры. Здесь каждый отрешается от личного во имя общего — котлована. В названии повести «играют» буквальные и переносные смыслы : «перелопачивание» жизни, «поднимаемая целина» земли, строительство храма. Но вектор деятельности направлен не вверх, а вниз, вглубь, к «дну» жизни. Постепенно «котел коллективизма» начинает напоминать братскую могилу, в которой хоронят надежду на светлое будущее. Финал повести — похороны девочки Насти, которая жила в бараке вместе с землекопами и стала их общей дочерью. Одна из стенок котлована становится для Насти могилой.

Платонов сделал героями своей повести наиболее совестливых, работающих, искренних тружеников. Они жаждут счастья и готовы яростно трудиться ради него. Счастье для них заключено не в удовлетворении своих личных потребностей (как у их руководителя Пашкина, живущего уже в сытости и довольстве), а в достижении высшей ступени жизни для всех. Они уже не верят, что их века хватит на то, чтобы увидеть желанный результат. Но залогом высшей справедливости для них становится осмысленность, потребность их существования. Человек не погибает в заброшенности и сиротстве, но вкладывает всю свою энергию в общее дело, воплощает свою надежду в нем. Смыслом их труда становится будущее приемыша Насти. Тем трагичнее и сумрачнее финал повести. Ее смысловой итог — размышления Вощева над тельцем только что умершей Насти — будущего счастливого человека: «Он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении. Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?»

Сокровенное ядро художественного мира Платонова — его язык. На первый взгляд, он поражает своей странной неправильностью, логическими

сбоями, синтаксическими нарушениями, лексической неупорядоченностью. Вот на выбор несколько предложений: «О берег Чевенгурки волновалась неутомимая вода; с воды шел воздух, пахнувший возбуждением и свободой, а два товарища начали обнажаться навстречу воде»; «Дети были... толстыми от воздуха, свободы и отсутствия ежедневного питания»; «Постепенно вставал перед Двановым его детский день — не в глубине заросших лет, а в глубине притихшего, трудного, себя самого мучающего тела ». А вот несколько словосочетаний: « вещь дружбы», «свобода умереть», «с робостью уважения», «товарищеское солнце».

Можно ли пересказать «своими словами» какое-либо высказывание Платонова? Вы быстро убедитесь, что это невозможно, как невозможно создать пародию на стиль этого писателя. Присмотримся к лицам, портретам «Котлована». Их очень немного, и они воистину странны. Вот лица девушек-пионерок: «на лице каждой пионерки остались трудность немоги ранней жизни, скудость тела и красоты выражения». Вот портрет инженера Прушевского: «Среди пустыря стоял инженер — не старый, но седой от счета природы человек (...). Воцев видел, что щеки у инженера были розовые, но не от упитанности, а от излишнего сердцебиения, и Воцеву понравилось, что у этого человека волнуется и бьется сердце». Наконец, описание внешности мужика, забежавшего к землекопам: «Один глаз он закрыл, а другим глядел на всех, ожидая худого, но не собираясь жаловаться; глаз его был хуторского, желтого цвета, оценивающий всю видимость со скорбью экономии». Представьте себя иллюстратором: как же создать портрет, в котором главное — не глаза и волосы, но «скудость красоты выражения» или «скорбь экономии»? Лицо, наиболее конкретное и неповторимое в человеке, оказывается у Платонова интересным не само по себе, но лишь как ретранслятор чувства или мысли, как зеркало внутренней сути жизни. Платонов использует портреты не как внешние формы, но как сущности, как понятия.

Сходным образом создаются в его повести интерьер и пейзаж. Платонов почти не использует тщательно выписанные детали (его антипод в этом отношении — И.А.Бунин). Пространство жизни составляют в повести просто дом или дощатый сарай, просто котлован или кафельный завод, просто город или деревня. Характерный пример: «В начале осени Воцев почувствовал долготу времени и сидел в жилище, окруженный темнотой усталых вечеров». Когда и где? — в начале осени, в жилище. Большой конкретности, как правило, у Платонова не найти.

Итак, пейзажи, интерьеры и портреты в повести Платонова чаще всего зрительно невозможно представить. Их нельзя увидеть, а можно лишь помыслить. Одно из важнейших качеств стиля Платонова — отсутствие привычного зрительного ряда. Вместо ожидаемых внешних деталей предлагается, как правило, понятийный ряд (волнение, скорбь, немощь, осень, поле, техническое благоустройство и т.п.). Как это соотносится с проблематикой его прозы? Платонову важна не внешняя характерность, выразительность явления, а его внутренний смысл, не открытость лица, но сокровенность души. В сознании писателя преобладает общий план жизни, он не может оставить его ради крупного плана той или иной подробности. Внутреннее зрение художника направлено на взаимность явлений жизни, он жертвует конкретностью частности во имя объемного целого. Отсюда ощущение некоей призрачности, бестелесности персонажей, пейзажей, интерьера. Конкретные предметы как бы «развоплощаются», получая признаки абстрактных понятий.

Это качество платоновского видения мира станет еще более понятным, если мы понаблюдаем за движениями персонажей. Если маршрут движения Раскольникова по Петербургу в «Преступлении и наказании» настолько конкретен, что можно вычертить его на карте реального города и провести по нему экскурсию, то перемещения персонажей Платонова очень трудно соотнести с какими-либо пространственными ориентирами. Читателю почти невозможно представить, где находятся называемые в повести барак,

завод, дороги, деревья и т.п. Люди в «Котловане» без конца ходят с места на место. Это движение передано Платоновым не координатами материальных объектов, но координатами понятий: «в пролетарскую массу», «под общее знамя», «вслед ушедшей босой коллективизации», «в даль истории, на вершину невидимых времен», «обратно в старину», «вперед, к своей надежде», «в какую-то нежелательную даль жизни». Движение людей по земле оказывается в повести Платонова движением в пространстве смысла. Так «броуновское», хаотичное хождение персонажей воплощает авторское сочувствие их бесприютности, сиротству и потерянности в мире осуществляемых грандиозных проектов. Строя «общепролетарский дом», люди остаются бездомными странниками. В то же время автору импонирует в его героях их нежелание остановиться, довольствоваться материально-конкретными целями, сколь бы грандиозными те ни казались. Вот почему Платонов сравнивает их поиски с «лунной чистотой далекого масштаба», «вопрошающим небом» и «бескорыстной, но мучительной силой звезд».

Сюжетное движение повести совершается в «Котловане» не за счет причинно-следственных связей между эпизодами, а благодаря непрерывному разворачиванию мысли, внутренним смысловым переключениям событий и явлений. Проследим, например, как возникает в повести «деревенская тема». Внешне случайно, пока вне связи с мотивом коллективизации, возникает мотив уничтожения «врагов социализма»: прибежавший в артель землекопов мужик с «желтыми глазами» живет в бараке, выполняя хозяйственную работу. Во время разговора Сафронова и Жачева инвалид «хотел сказать Сафронову ответ, но предпочел притянуть к себе за штанину ближнего хуторского мужика и дать ему развитой рукой два удара в бок, как наличному виноватому буржую». Перед землекопами две задачи — вырыть котлован и уничтожить врагов рабочего класса. О второй части плана строительства социализма они узнают по радио. Вскоре с просьбой к землекопам является житель близлежащей деревни. В овраге, который становится частью котлована, мужиками были спрятаны гробы,

заготовленные ими впрок «по самообложению». «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» — сообщает землекопам пришелец. Его просьба воспринимается совершенно спокойно, как само собой разумеющееся; правда, выходит небольшой спор: два гроба уже использованы землекопом Чиклиным. Один — в качестве постели для Насти, другой — как «красный уголок» для ее игрушек. Мужик же настаивает на возврате двух «маломерных гробов», заготовленных по росту для деревенских ребятишек.

Эпическое спокойствие, с каким передан в повести этот разговор, — вопиющее противоречие с существом происходящего. Описывая нормальное поведение людей, спокойно и естественно совершающих противоестественные поступки, Платонов создает атмосферу сна, наваждения. Нарушение причинно-следственных связей между событиями «деревенской темы» служит выявлению чудовищной нелогичности коллективизации. В разговоре с Чиклиным Настя узнает, что приходившие за гробами мужики — вовсе не буржуи. «А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!» — с неумолимой логикой ребенка спрашивает Настя. «Землекопы промолчали, еще не осознавая данных, чтобы говорить».

Предельную алогичность, даже своеобразную сюрреалистичность придает сценам коллективизации участие в них медведя. Люди и животные в сценах коллективизации в равной мере «свободны» и «сознательны»: лошади, как и пионерки, ходят строем, демонстрируя, что они «с точностью убедились в колхозном строе жизни»; медведь-молотобоец столь же самозабвенно работает на кузне, как землекопы в котловане, проникнувшись пролетарским «классовым чутьем». Это усиливает смысловую неоднозначность повести. С одной стороны, подчеркивается идея кровной связи человека с природой, единство всего живого на земле, взаимообратимость человеческого и природного начал. «У него душа — лошадь. Пускай он теперь порожняком поживет, а его ветер продует», —

говорит Чиклин об оставшемся без лошади и чувствующем себя «внутри пустым» мужике.

С другой стороны, такое необычное решение неожиданно «заземляет», материализует, делает чувственно осязаемым и наглядным абстрактные понятия «классовая борьба», «классовое чутье», «обобществление». Так, например, реализуется стертая метафора «классовое чутье», когда медведь-молотобоец «вдруг зарычал около прочной, чистой избы и не хотел идти дальше»; «уже через три двора медведь зарычал снова, обозначая присутствие здесь своего классового врага». Реализация метафоры становится еще более очевидной в похвале Чиклина активисту: «Ты сознательный молодец, ты чуешь классы, как животное». Под стать животным действуют люди: Чиклин механически убивает случайно оказавшегося под рукой мужика; Воцев «делает удар в лицо» «подкулачнику», после которого тот не отзывается; отправляют на плоту в море всех крестьян, не пожелавших войти в колхоз; мужики не делают различий между убийством активистов, скота, вырубкой деревьев и уничтожением собственной плоти. Коллективизация предстает в повести Платонова как коллективное убийство и самоубийство. Таков гротескный смысловой итог «деревенской темы».

Убийство становится возможным, потому что человек в повести обезличен и превращен в понятие. Крестьяне у Платонова лишены имен, это «буржуй», «полубуржуй», «кулак», «подкулачник», «вредитель», «активист», «мобилизованный кадр», «подручный авангарда», «председатель сельсовета, середняцкий старичок», «ведущие бедняки» и т.п. В заведенной активистом «боковой графе» списка уничтоженных кулаков вместо людей записываются «признаки существования» и «имущественное настроение».

Одновременно с дематериализацией персонажей в прозе Платонова развивается встречный процесс — заземление, материализация мыслей, чувств, абстрактных понятий. Мысли и чувства как бы приобретают плотность материальных тел. «Из слов обозначаются линии и лозунги, —

говорит Воцеву активист, — и твердый знак нам полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твердый нам неизбежен: он делает жесткость и четкость формулировок». Авторская мысль об одичалости и оскудении людей проявляется в повести в повышенной натуралистичности описаний — грубых, подчеркнуто материализованных. Наконец, насыщается материальной конкретностью и окончательно реализуется самая глобальная метафора повести — в финале землекопы «докапываются до истины»: Чикин хоронит веру и надежду землекопов — девочку Настю, а присоединившиеся к рабочим мужики (оставшиеся в живых после коллективизации) спасаются в глубине котлована: «Все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована». В этой жажде «спасения навеки» вновь объединяются в финале люди и животные: лошади возят бутовый камень, медведь таскает этот камень в передних лапах. «Спастись навеки» означает только одно — умереть. Котлован «общепролетарского дома» оказывается пропастью, братской могилой.

В прозе Платонова нет заметной границы между словами автора и словами персонажей: авторская речь столь же «косноязычна» и «корява». Не отделяя себя от героев, автор как бы вместе с ними учится говорить, мучительно подыскивает слова. Язык Платонова был сформирован стихией послереволюционных лет. В письме к жене, написанном в 1922 г., Платонов рассказывает о редакторе губернской газеты, придумавшем себе псевдоним Ста-леметный и писавшем такие призывы: «Красные бойцы, вечные славные трупы с Пер-Лашез ожидают смертельной мести общему врагу за свою гибель». В 1920-е годы языковая норма стремительно менялась: расширился лексический состав языка, в общий котел новой речи попадали слова разных стилевых пластов; бытовая лексика соседствовала с тяжеловесной архаикой, жаргон — с еще «не переваренными» сознанием человека из народа абстрактными понятиями. В этом лингвистическом хаосе разрушалась сложившаяся в литературном языке иерархия смыслов, исчезала оппозиция

высокого и низкого стилей. Слово прочитывалось и использовалось как бы заново, вне традиции словоупотребления. Слова, как и люди, «стали равными» (исчезли «бедняки» и «дворяне») и начали сочетаться без разбора, вне зависимости от принадлежности к тому или иному семантическому полю. В этой словесной вакханалии и сформировалось главное противоречие между глобальностью новых смыслов, требовавших новых слов, — и отсутствием устойчивого, отстоявшегося словоупотребления, строительного материала речи.

Путь, пройденный Платоновым, — это путь бескомпромиссного исследования идеи «земного рая», идеи социализма. Разделяя в начале пути веру в возможность быстрой переделки жизни, писатель не стал ослепленным фанатиком этой веры; его произведения — это искреннейший самоотчет строителя счастья, внутренняя самокритика революционной идеи. Будучи, кровно заинтересованным в ее реализации, писатель именно поэтому предпринял глубочайший анализ механизмов ее осуществления. Однако в ходе художественного исследования он все яснее осознавал утопичность первоначального замысла. «Прекрасный» мир мечты все больше осложнялся «яростным» миром реальности, вскрывалась внутренняя противоречивость исходного проекта. Оказалось, что главным препятствием на пути к счастью являются не дефекты мироустройства, а трагическая противоречивость человеческой природы. Оказалось также, что наибольшим сопротивлением обладает не материал вселенной, но «вещество» человеческой души.

Вот почему в своих взглядах на человека писатель постоянно эволюционирует от героизации творцов и изобретателей к осознанию трагизма положения человека в мире. Гуманистическая суть платоновского творчества — в наглядном, пронзительно чувственном доказательстве того, что пламенная любовь к «дальнему» человеку несостоятельна, если она не имеет своим фундаментом скромную жалость «к родным лохмотьям», повседневное сострадание «ближнему» человеку. Пророческая, прогностическая сила таланта Платонова — в утверждении гибельности

глобализма, в предупреждении об опасности для человечества «железных сценариев» истории. Наконец, художественная убедительность мира Платонова — в полной адекватности его языка предмету изображения; в органическом взаимодействии материально-достоверного и утопически фантастического. Говоря проще, язык Платонова передает фантастичность советской исторической реальности 1920-х — 1930-х гг. и реальность, казалось бы, самых «далековатых» фантазий. Он убеждает в осуществимости утопий и передает последствия осуществившейся утопии.

### ***Задания для самостоятельной работы***

#### **Задание 1**

Заполните таблицу. Характерные черты

| Утопия | Антиутопия |
|--------|------------|
|        |            |

#### **Задание 2**

Ответьте на вопросы:

1. Почему роман “Мы” был назван “низким пасквилем на коммунизм и социалистическое будущее, клеветой на советский строй”, почему на роман был повешен ярлык “контрреволюционного”?

2. Каково ваше мнение о романе? Как далось чтение? Первое впечатление?

Что главное в сюжете вы можете выделить? О чем роман?

- О счастье, каким его представляют люди будущего.
- Это роман о любви и предательстве.
- Роман о свободе и несвободе человека, о его праве на выбор.
- Это роман о будущем, при котором человеческая личность обесценена, подавлена властью машин и политической диктатурой.

- Жанр романа “антиутопия” диктовал выбор сюжетного приема. Повествование представляет собой записи – конспект строителя космического корабля Д-503.
- Интересен стиль писателя: форма конспекта – и никаких эмоций, короткие предложения, многочисленные тире и двоеточия. Многие слова пишутся с большой буквы. Это символы. Искусственный, сухой язык идет от искусственности того мира, в котором живут герои.
- Д-503 рассказывает о том периоде своей жизни, которую позже определит как болезнь. Каждая запись (их в романе 40, и это тоже символично) имеет свой заголовок. 40 дней в истории Д-503 - история обретения и утраты им живой души, своего “я”.
- Это злая карикатура на социалистическое, коммунистическое общество будущего.
- Предмет изображения – будущее. Утопическое государство, где все счастливы всеобщим “математическим” счастьем.
- А мне кажется, Замятина, прежде всего, интересуют проблемы взаимоотношения личности и государства. Прогресс знания, науки, техники – это еще не прогресс человечества.
- Я считаю, что писатель прогнозирует пути развития человека, общества, страны.
- Замятин ничего не выдумывал: он лишь довел до логического завершения идею построения коммунистического общества.
- Во время чтения романа меня поразила проницательность писателя, оказавшегося способным предугадать дальнейшие ходы большевиков после их прихода к власти.

### **Задание № 3**

Перечитайте в романе «Мы» записи 1 – 3-ю. Обратите внимание на то, что дневник героя обращён к людям иной, более «низкой» цивилизации. Д-503 с

восторгом сообщает о преимуществах общества всеобщего механизированного равенства.

1. Можно ли согласиться с критиком А. Воронским, что книга Замятина – это сатирический памфлет? Какое общественное устройство подвергается критике? (Памфлет- сатирическое произведение художественно-публицистического характера, автор которого в острой форме высмеивает современный ему общественный строй или отдельные его черты).
2. Справедливо ли рассуждение героя о «древнем» государстве: «Государство (гуманность) запрещало убить насмерть одного и не запрещало убивать миллионы наполовину...» и т. д.? Почему Д-503 считает, что Единое Государство в самом деле достигло высшей степени человечности?
3. Почему для Д-503 №Расписание железных дорог» - «величайший из дошедших до нас памятников древней литературы»? Можно ли рассматривать эти слова и другие подобные рассуждения как иронию? Над кем и чем здесь иронизирует Замятин: над своим героем, разделяющим идеологию Государства, над самим Идеальным Государством?

«Роман Замятина целиком пропитан неподдельным страхом перед социализмом, из идеала становящимся практической, будничной проблемой. Роман о будущем» фантастический роман. Но это не утопия, это художественный памфлет о настоящем и вместе с тем попытка прогноза в будущее... Роман производит тяжёлое и страшное впечатление. Написать художественную пародию и изобразить коммунизм в виде какой-то сверхказармы под огромным стеклянным колпаком не ново: так издревле упражнялись противники социализма – путь торный и бесславный. <...> Замятин написал памфлет, относящийся не к коммунизму, а к государственному <...> реакционному <...> социализму.

С художественной стороны роман прекрасен. Замятин достиг здесь полной зрелости – тем хуже, ибо всё это пошло на служение злему делу. <...> На очень опасном и бесславном пути Замятин».

**А. Воронский.** Литературные силуэты. Евгений Замятин. 1922.

#### **Задание № 4**

Прочитайте приведенный ниже отрывок из статьи литературоведа: «Утопия, о которой все время говорили Платон, Томас Мор, Фурье, Чернышевский, Маркс, Ленин, - в конце концов осуществилась. Литература ответила на это расцветом жанра антиутопии, возникшего ранее в ходе полемики с программами утопистов в таких текстах, как «Путешествие Гулливера на Лапуту и в страну гуингнмов», «Легенда о великом инквизиторе», «Записки из подполья» (Достоевского) и др. Новый расцвет жанра был реакцией на политику тоталитарного социализма и на тоталитарные претензии современного государства вообще, особенно в условиях технического прогресса. Антиутопия проникнута разочарованием в идее общества, построенного на рационалистическом отрицании Бога, свободы воли, противоречивости человеческой природы и т. п., но зато берущегося обеспечить всеобщую гармонию. Эта установка отлилась в целый комплекс типичных схем, образов и положений».

**А. К. Жолковский.** Замятин, Оруэлл и Хворобьев: о снах нового типа. 1994.

1. Когда и почему возникла антиутопия как жанр? Что обусловило ее возникновение?
2. Против каких явлений общественного устройства выступают авторы антиутопий?
3. Роман «Мы» - это «антиутопия-город» или «антиутопия-сад»? Куда обращена книга Замятина – в прошлое или будущее?

#### **Задание № 5**

Прочитайте отрывок из работы литературоведа:

«Проблема “нового мира” как проблема обретения <...> «Блаженной страны» ставилась почти всеми современниками Замятина. Утопия в те годы

была не просто одним из жанров – утопизмом были проникнуты поэзия и проза, манифесты литературных группировок, размышления философов и публицистов. Литература и общество грезил грядущим, торопили бег времени. Но в эти же годы родились и тревожные сомнения в праве человека вмешиваться в естественный ход развития жизни, подчинять ее прихотливое течение какой-либо умозрительной идее. Не случайно “строители людского блага” предстали у таких разных, имеющих мало общего друг с другом писателей, как Булгаков (“Роковые яйца”, “Собачье сердце”), Л. Леонов (“Вор”), М. Слонимский (“Машина Эме-ри”), Б. Пильняк (“охламоны” в “Красном дереве”), А. Платонов (“Червенгур”), в трагическом, комическом, ироническом освещении. Замятин был среди первых, кто, доведя до абсурда возможные результаты героического действия, увидел его трагическую сторону».

**Е. Б. Скорospelова. Возвращение. 1990**

Перечитайте запись.

1. Найдите в тексте фразы, описывающие ощущения героя, впервые попавшего за Зелёную Стену. Чем отличается чувство восторга героя от того, что он испытывает в Едином государстве?
2. Можно ли согласиться, что страна Мефи и есть идеал «естественного хода развития жизни», противопоставленный механизированному государству?

### **Задание № 6**

Попробуйте найти в романе «Мы» особенности быта, поведения, мышления жителей Единого Государства, сходные с теми, которые провозглашает идеолог Пролеткульта поэт А. Гастев. Можно ли на основании увидённого сходства утверждать, что Замятин прибегает к пародии для разоблачения идеи механизированного равенства?

«Постепенно, шаг за шагом, вместо рассыпанных местных обычаев конструируется <...> план рабочих отдыхов, рабочих перерывов и проч. Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в <...>

социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата. <...> Машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата. <...> Вот эта-то черта и сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А. Б. С. или как 325, 075 и 0 и. т. п. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаёт невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, исключений, замыканий. Проявления этого механизированного коллективизма настолько чужды персональности, настолько анонимны, что движение этих коллективов-комплексов приближается к движению вещей, в которых как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные, нормализованные шаги, есть лица без экспрессии, душа, лишённая лирики, измеряемая не криком, не смехом, а манометром таксометром. Мы идём к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического».

**А. Гастев.** О тенденциях пролетарской культуры. 1919

### **Задание 7**

1. Перечитайте рассуждения главного героя о преимуществах того общества, в котором он живёт, перед «древними обществами» в записях 3-й, 4-й, 20-й. Найдите в романе другие места, характеризующие общественное устройство Единого Государства. Попробуйте определить его основные особенности.
2. Насколько полно сбылись пророчества-предупреждения Замятина? Какие общества наиболее полно воплотили в себе черты Единого Государства? Можно ли сказать, что особенности общественного устройства, нарисованные в романе, можно увидеть и в настоящее

время? Можно ли предложить, что замятинской антиутопии ещё предстоит осуществиться в будущем?

3. Насколько справедливым можно считать замечание Д. Оруэлла (автора антиутопии «1984») о цели Замятина?

«Вполне вероятно, однако, что Замятин вовсе и не думал избрать советский режим главной мишенью своей сатиры. Он писал ещё при жизни Ленина и не мог иметь в виду сталинскую диктатуру, а условия в России в 1923 году были явно не такие, чтобы кто-то взбунтовался, считая, что жизнь становится слишком спокойной и благоустроенной. Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация. <...> Это исследование сущности Машины – джинна, которого человек бездумно выпустил из бутылки и не может загнать назад».

Д. Оруэлл. Рецензия на роман Е. Замятина «Мы». 1946

## Задание 8

1. Почему автор избрал форму дневниковых записей главного героя, а, например, не объективное описание Единого Государства от третьего лица?
2. Проследите изменение образа главного героя Д-503 на протяжении всего романа. Как меняются его отношения к происходящему в Едином Государстве? Почему и как возникает раздвоение, внутреннее противоречие? Преодолевается ли оно к концу романа? Каким образом?
3. Охарактеризуйте персонажей, с которыми пересекается судьба Д-503. Какими устойчивыми чертами облика наделяет автор каждого из них – О-90, I-330, R-13? Почему автор постоянно использует в описании персонажей геометрические фигуры и линии?
4. Прочитайте характерный пример описания внешности I-330 (запись 10-я) : *«И увидел странное сочетание: высоко вздернутые у дисков тёмные брови - насмешливый острый треугольник, обращённый вершиной вверх, - две глубокие морщинки, от носа к углам рта. И эти*

*два треугольника как-то противоречили один другому, клали на всё лицо этот неприятный, раздражающий X – как крест: перечеркнутое крестом лицо».*

Имеют ли фигуры треугольника и креста некий смысл для раскрытия характера и судьбы героини? В чём заключается этот смысл? Найдите геометрические «детали» внешности других персонажей.

### **Задание № 9**

«Самый острый драматизм придаёт роману противостояние личности государственно- бюрократической суперсистеме. <...> Существованию Единого Государства вредит всякое живое человеческое движение. В идеале система стремится к замене людей роботами.

Четыре импульса выводят Д-503 из состояния конформистской спячки: врождённая эмоциональность («капля горячей крови»), неосторожно приведённая в движение чрезмерным самохвальством ЕГ. Вторая сила – искусство. Д слушает музыку Скрябина в исполнении I-330 и впервые ощущает «медленную, сладкую боль», чувствует в своей крови ожог «дикого, несущегося, опаляющего солнца». Третий толчок – посещение Древнего Дома, который пробуждает прапамять («Д почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни»). <...> Отторжение от привычного климата ЕГ, появление в себе другого человека, «нового и чужого», он испытывает как болезнь. <...> Четвёртый и окончательный момент, завершивший «государственное» грехопадение Д, - он переживает чувство ошеломляющего потрясения от близости с I-330. Это совсем не то чувство, которое он испытывал «по розовым талончикам» в «сексуальный день».

**В. Акимов.** Человек и единое государство. 1989

1. Можно ли увидеть уже в первых главах будущий конфликт героя с Государством? Какие черты характера Д-503 усиливают остроту конфликта?

2. Чем завершается история любви героя? Можно ли назвать судьбу героя трагической? В чём суть его трагедии?

### **Задание №10**

«Проза писателя и в особенности роман «Мы» действительно исполнены как многих ассоциаций, так и реминисценций из Достоевского; она заключает в себе диалог с его идеями, развитие его образов и сюжетных приёмов. Повествование антиутопии, как в «Преступлении и наказании», «Бесах», идёт со всевозрастающим напряжением, неожиданными «вдруг» и крутыми поворотами событий. Рассказчик-хроникер, подобно Раскольникову, проходит через раздвоение своей личности и преступление перед «номерным» сообществом, затем – кризис (наказание) и, наконец, своеобразное «воскресенье», возвращающее его в лоно Единого Государства. Пара главных женских лиц (О и 1-330) связана, как нередко у Достоевского, антитезой типа кроткого, смиренного, с одной стороны, и хищного, демонического - с другой».

**В.А.Недзвецкий.** Благо и благодетель в романе Е. И. Замятина «Мы» Подтвердите или опровергните рассуждения литературоведа. Сопоставьте «преступление» перед обществом Раскольникова и героя Д-503. В чём их сходство и различие?

### **Задание №10**

Критики, писавшие о романе, отмечали многообразие переключек романа с книгами с великих утопов прошлого, с произведением Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Достоевского, Андрея Белого.

Перечислите с какими произведениями переключается сюжет повести «Мы». Ответ должен быть развёрнутым.

### **Задание №11**

Ответьте на вопросы по теме: «Роман А. Платонова «Котлован»

1. Кто главный герой романа?
2. За что его уволили ? Борется ли он за свои права? Почему?
3. Зачем рабочие роют котлован? Что будет построено?

4. Чем является для Вощева новая работа:
  - это рытье котлована;
  - это строительство коммунистического рая;
  - это заработок;
  - это способ занять себя хоть чем-нибудь;
  - это повод задуматься о смысле жизни?
5. Зачем Платонов ставит рядом образы кузнеца – работяги и инвалида Жачева? Кто из них чувствует себя значимым и нужным и почему?
6. Зачем в романе появляется новое действующее лицо – Настя? Какова ее история
7. Как в романе отразилась эпоха раскулачивания?
8. К каким выводам пришла комиссия, побывавшая на котловане?
9. Может ли увеличение котлована в 4 раза сделать людей счастливыми?
10. Отчего умирает Настя?
11. Чем символично захоронение Насти?
12. Как Платонову удастся показать, что у героев романа нет и не может быть счастливого будущего?
13. Понимают ли они сами это? Докажите.
14. По-вашему, чего не хватает героям романа «Котлован» для счастья?

## **Задание №12**

**Объясните смысл фраз А. Платонова, ответ запишите в тетради.**

Известно, что машинистки не брались перепечатывать рукописи А. Платонова, объясняя это тем, что Платонов пишет слишком сложно, приходится запоминать каждое слово, а не строчку, как обычно. Язык писателя действительно необычен, труден. Проследите по тексту романа, как влияет платоновское «косноязычие» на осмысление романа? Может быть, неординарность языка – необходимость. Так Платонову удастся сказать больше, иначе, а «косноязычие» служит средством передачи авторского

взгляда на события эпохи построения счастливого будущего? Определите, в чем заключен двойной смысл платоновских выражений, «расшифруйте»:

- « а если вам делать нечего, так вы лучше почитайте своего ребенка. Когда вы умрете, он будет».
- « не жалел тела на работу ума» (Вощев)
- « раскулаченные уплывали по течению и смотрели на оставшихся на Оргдворе последних счастливых людей»
- « все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована»
- « это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню» (Вощев о Насте)
- «Да здравствует Ленин, Козлов и Софронов!» (слабосильный Козлов ушел в город, чтобы «за всем следить» и «сильно любить пролетарскую массу»)
- « музыка заиграла марш молодого похода»
- «он выдолбил в граните нишу для захоронения и приготовил плиту, чтобы ни один лучик солнца не мог проникнуть в могилу Насти, никакая букашка ее не потревожила». (Чиклин)
- « Пойду на прощанье хотя бы убью товарища Пашкина».

### **Задание №13**

Найти такие черты и подобрать эпизоды из произведения А.Платонова «Чевенгур»

#### Характерные черты времени:

1. Разгромленная войной страна, нищета рабочих и крестьян.
2. Грандиозные проекты, стройки коммунизма.
3. Раскулачивание крестьян, методы уничтожения крестьянства, начало коллективизации.

4. Энтузиазм «масс». «Жить ради энтузиазма». Процветание бюрократии (коррупции, взяточничества).
5. Уничтожение религии и фанатичное поклонение новой «религии» (не атеизм, а безбожие).
6. Массовое доноительство .
7. Всеобщая подозрительность.
8. Атмосфера бездуховности, грубости, хамства, бескультурья.
9. Попытки людей приспособиться к новой жизни.
10. Стремление обезличить людей, построить всеобщее счастье любым путём, отучить думать, сомневаться.

#### **Задание №14**

Сопоставить черты времени, описанные в «Котловане», с романом Замятина «Мы», ответ записать в тетради.

#### **АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 20-Х ГОДОВ («ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ» М. БУЛГАКОВА, «НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ» М. ГОРЬКОГО, «ПИСЬМА ЛУНАЧАРСКОМУ» В. КОРОЛЕНКО, «ОКАЯННЫЕ ДНИ» И. БУНИНА И ДР.).**

Долгие годы образ Октября 1917 года, определявший характер освещения литературного процесса в 20-е годы, был весьма одноплановым, упрощенным. Он был монументально героическим, односторонне политизированным. Сейчас читатели знают, что помимо «революции – праздника трудящихся и угнетенных» существовал и иной образ: «окаянные дни», «глухие годы», «роковое время».

Известный литературовед Е.Книпович вспоминала: « Когда меня спрашивают сейчас, как я могу кратко определить ощущение того времени, я отвечаю: «Холодные, мокрые ноги и восторг». Ноги мокрые от прохуdivшихся подметок, восторг от того, что впервые в жизни стало видимо кругом во всю ширину света. Но восторг этот не был всеобщим. Не

надо думать также, что те, которые были по существу частью происходящей действительности и верили друг другу, не спорили между собой. Их спор – это знак времени, это знак творческих возможностей, тех поднятых революцией сил, которые хотели себя осуществить, утвердить свои взгляды. Свое понимание строящейся советской культуры».

Эти воспоминания – ключ к пониманию литературной ситуации 20-х годов. А сами писатели, жившие и творившие в то трудное время, станут надежными помощниками и проводниками для вас.

Мучительный вопрос : «Принимать или не принимать революцию?» - стоял для многих людей того времени. Каждый отвечал на него по-своему. Но боль за судьбу России слышится в произведениях многих авторов.

Современный взгляд на поэзию 20-х годов об Октябре, на фигуры поэтов, увидевших XX век совершенно иначе, чем до революции предполагает новый подход к осмыслению многих произведений. Силы притяжения к революции и одновременно потрясенности ее суровостью, глубина боли за человека и одновременно восхищения всеми, кто и в революции остался человеком, вера в Россию и опасения за её путь создавали поразительный состав красок, приемов на всех уровнях многих произведений. Новая проблематика заставляла обновлять и поэтику.

В первые месяцы после Октября 1917 года литературная жизнь была сосредоточена в редакциях газет, журналов, то и дело закрываемых. Дух программ тех лет был крайне деспотичен. В хронике за 1918 год читаем: «Учредительное собрание Всероссийского союза пролетарских писателей: «Союз писателей должен быть совершенной машиной для производства незамутненных идей революционного пролетариата».

Постепенно стали возникать и учреждаться литературные группировки, объединения.

- Пролеткульт и «Кузница»;
- ЛЕФ;
- Перевал;

• **РАПП.**

Это те немногие группы , существовавшие в 20-е годы. Были еще «ЛЦК» (литературный центр конструктивистов), «Серапионовы братья», в которую входили В.А.Каверин, М.Зощенко, Всеволод Иванов, Н. Тихонов, теоретиком этой группы был Лев Лунц, «ОБЭРИУ» (объединение реального искусства) – в поэзии они культивировали стихотворения из слов и строф-кубиков свечными звуковыми повторениями, складыванием строк из одних и тех же слов.

Начало 20-х годов в литературе было ознаменовано повышенным вниманием к прозе. Она пользовалась преимуществом на страницах первого советского журнала «Красная новь», издававшегося с лета 1921 года. Исторические события, совершавшиеся вокруг , затрагивали всех и каждого и требовали не только выражения эмоций, сколько их осмысления. Советская проза 20-х годов была не однородна ни в момент своего появления, ни позже, в процессе читательского восприятия.

***Задания для самостоятельной работы***

Прочитайте статьи, законспектируйте и ответьте на вопросы:

- 1.Как автор понимает революцию?
- 2.Какой видит судьбу России?
- 3.Как автор понимает народ и судьбу народа?

**Иван Алексеевич Бунин**

**Окаянные дни**

1918—1920 годы Бунин записывал в форме дневниковых заметок свои непосредственные наблюдения и впечатления от событий в России того времени. Вот несколько фрагментов:

**1 января (старого стиля).** Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто ещё более ужасное. Даже наверное так...

**5 февраля.** С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему уже восемнадцатое...

**6 февраля.** В газетах — о начавшемся наступлении на нас немцев.

Все говорят:

«Ах, если бы!». На Петровке монахи колют лёд. Прохожие торжествуют, злорадствуют: «Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят!»

Далее даты опускаем. В вагон трамвая вошёл молодой офицер и, покраснев, сказал, что он «не может, к сожалению, заплатить за билет». Приехал Дерман, критик, — бежал из Симферополя. Там, говорит, «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови». Какого-то старика-полковника живьём зажарили в паровозной топке. «Ещё не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...» Это слышишь теперь поминутно. Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет, А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли? В трамвае ад, тучи солдат с мешками — бегут из Москвы, боясь, что их пошлют защищать Петербург от немцев. Встретил на Поварской мальчишку-солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: «Деспот, сукин сын!» На стенах домов кем-то расклеены афиши, уличающие Троцкого и Ленина в связи с немцами, в том, что они немцами подкуплены. Спрашиваю Клестова: «Ну, а сколько же именно эти мерзавцы получили?» «Не беспокойтесь, — ответил он с мутной усмешкой, — порядочно...» Разговор с полотёрами:

— Ну, что же скажете, господа, хорошенького?

— Да что скажешь. Все плохо.

— А что, по-вашему, дальше будет?

— А Бог знает, — сказал курчавый. — Мы народ тёмный... Что мы знаем? То и будет: напустили из тюрем преступников, вот они нами и управляют, а их надо не выпускать, а давно надо было из поганого ружья расстрелять. Царя ссадили, а при нем подобного не было. А теперь этих

большевиков не сопрёшь. Народ ослаб... Их и всего-то сто тысяч наберётся, а нас сколько миллионов, и ничего не можем. Теперь бы казёнку открыть, дали бы нам свободу, мы бы их с квартир всех по клокам растащили".

Разговор, случайно подслушанный по телефону:

— У меня пятнадцать офицеров и адъютант Каледина. Что делать?

— Немедленно расстрелять.

Опять какая-то манифестация, знамёна, плакаты, музыка — и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: «Вставай, подымайся, рабочей народ!». Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Сауе гигет». На эти лица ничего не надо ставить, и без всякого клейма все видно. Читали статейку Ленина. Ничтожная и жульническая — то интернационал, то «русский национальный подъем». «Съезд Советов». Речь Ленина. О, какое это животное! Читал о стоящих на дне моря трупах, — убитые, утопленные офицеры. А тут «Музыкальная табакерка». Вся Лубянская площадь блестит на солнце. Жидкая грязь брызжет из-под колёс. И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, маковыми плитками, папиросами... У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие. В кухне у П. солдат, толстомордый... Говорит, что, конечно, социализм сейчас невозможен, но что буржуев все-таки надо перерезать.

**Одесса. 1919 г**

**12 апреля (старого стиля).** Уже почти три недели с дня нашей гибели. Мёртвый, пустой порт, мёртвый, загаженный город-Письмо из Москвы... от 10 августа пришло только сегодня. Впрочем, почта русская кончилась уже давно, ещё летом 17 года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился «министр почт и телеграфов...». Тогда же появился впервые и «министр труда» — и тогда же вся Россия бросила работать. Да и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого

самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство. Все орали друг на друга за малейшее противоречие: «Я тебя арестую, сукин сын!».

Часто вспоминаю то негодование, с которым встречали мои будто бы сплошь чёрные изображения русского народа. ...И кто же? Те самые, что вскормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы, то есть «попа», «обывателя», мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина — словом, вся и всех, за исключением какого-то «народа» — безлошадного, конечно, — и босяков.

Сейчас все дома темны, в темноте весь город, кроме тех мест, где эти разбойничьи притоны, — там пылают люстры, слышны балалайки, видны стены, увешанные чёрными знамёнами, на которых белые черепа с надписями: «Смерть, смерть буржуйам!»

Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту, глаза сквозь криво висящее пенсне кажутся особенно яростными. Галстучек высоко вылез сзади на грязный бумажный воротничок, жилет донельзя запакощенный, на плечах кургузого пиджачка — перхоть, сальные жидкие волосы всклокочены... И меня уверяют, что эта гадюка одержима будто бы «пламенной, беззаветной любовью к человеку», «жаждой красоты, добра и справедливости»!

Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из древа, — и дубина, и икона», — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев.

«От победы к победе — новые успехи доблестной Красной Армии. Расстрел 26 черносотенцев в Одессе...»

Слыхал, что и у нас будет этот дикий грабёж, какой уже идёт в Киеве, — «сбор» одежды и обуви... Но жутко и днём. Весь огромный город не живёт, сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя

завоёванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенег. А завоеватель шатается, торгует с лотков, плюёт семечками, «кроет матом». По Дерибасовской или движется огромная толпа, сопровождающая для развлечения гроб какого-нибудь жулика, выдаваемого непременно за «павшего борца» (лежит в красном гробу...), или чернеют бушлаты играющих на гармониях, пляшущих и вскрикивающих матросов: «Эх, яблочко, куда котишься!»

Вообще, как только город становится «красным», тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы. Совершается некий подбор лиц... На этих лицах прежде всего нет обыденности, простоты. Все они почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем.

Я видел Марсово Поле, на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев. Что нужды, что это было, собственно, издевательство над мёртвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых.

Из «Известий» (замечательный русский язык): «Крестьяне говорят, дайте нам коммуну, лишь бы избавьте нас от кадетов...»

Подпись под плакатом: «Не зарись, Деникин, на чужую землю!»

Кстати, об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать — над клозетной чашкой.

«Предупреждение» в газетах: «В связи с полным истощением топлива, электричества скоро не будет». Итак, в один месяц все обработали: ни фабрик, ни железных дорог, ни трамваев, ни воды, ни хлеба, ни одежды — ничего!

Вчера поздно вечером, вместе с «комиссаром» нашего дома, явились измерять в длину, ширину и высоту все наши комнаты «на предмет уплотнения пролетариатом».

Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Все потому, что только под защитой таких священно-революционных слов можно так смело шагать по колено в крови...

В красноармейцах главное — распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевелюр». Одеты в какую-то сборную рвань. Часовые сидят у входов реквизированных домов в креслах в самых изломанных позах. Иногда сидит просто босяк, на поясе браунинг, с одного боку висит немецкий тесак, с другого кинжал.

Призывы в чисто русском духе: «Вперёд, родные, не считайте трупы!»

В Одессе расстреляно ещё 15 человек (опубликован список). Из Одессы отправлено «два поезда с подарками защитникам Петербурга», то есть с продовольствием (а Одесса самадохнет с голоду).

Р. С. Тут обрываются мои одесские заметки. Листки, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы, в конце января 1920 года, никак не мог найти их.

### **«Грядущие перспективы» М. Булгакова Фельетон.**

**Опубликован: Грозный, 1919, 13/26 ноября**

.... «наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция»«, что «настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть!» В пример России автор ставит Запад, находясь под впечатлением только что просмотренного английского иллюстрированного журнала:

«На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны. Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся! И всем, у кого, наконец, прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду,

что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества».

Перспективы будущего своей страны Булгаков видит здесь весьма мрачно:

«Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще.

В Г. п. утверждается: «Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца». Не исключено, что с этим связана в романе «Мастер и Маргарита» на Великом балу у сатаны чаша Воланда, в которую превратилась отрезанная голова председателя МАССОЛИТа Михаила Александровича Берлиоза. Из нее Маргарита пьет кровь предателя Барона Майгеля. Данная сцена может символизировать чашу наказания, которую пьет Россия, попавшая под власть большевиков. Характерно, что в чаше — кровь сотрудника НКВД, а сама чаша — это голова руководителя послушной идеологизированной литературы.

Автор Г. п. провозглашает: «Расплата началась... Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все! И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы (речь идет о Версальской мирной конференции 1919 г. — Б. С.).

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она также легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

Г. п. — единственное произведение, где Булгаков смог открыто высказать свои взгляды на дальнейшую судьбу России и на большевизм. Фельетон поднимает «вечные» проблемы русской истории и современности. Булгаковский текст обладает удивительным свойством. Если бы дата создания и публикации Г. п. и авторство Булгакова не были известны, фельетон можно было бы датировать и концом 1917 г., и 1919 г., и 30-ми годами (если допустить его публикацию в русской эмигрантской печати), и концом 80-х, и 1991 или 1996 г., а его автором назвать многих известных публицистов — от С.Н.Булгакова до В. В. Кожина (последнего, оговоримся, только если выбросить кусок про Запад).

Булгаков в Г. п. заявляет себя решительным западником и в западных демократиях видит для России образец развития. Однако содержание и тон написанного не оставляют сомнения, что автор Г. п. уже не верил в победу белого движения и осознал, что коммунистическая власть в стране установилась надолго, на несколько последующих поколений. Правда, Булгаков чересчур оптимистически надеялся, что счастливая жизнь, может быть, наступит у внуков того поколения, которое он в «Киев-городе» (1923) назвал позднее «беспечальным» и чьи надежды на тихую и светлую жизнь были разрушены в 1917 г. Писатель разделял со всей русской интеллигенцией (а может, и со всем человечеством?) веру в светлое будущее — его неизбежно должно породить мрачное настоящее.

Причины бедственного состояния России и незавидного в тот момент состояния белых Вооруженных сил Юга России во главе с генералом А. И. Деникиным (1872-1947) названы автором Г. п. иногда абсолютно верно, а иногда — совершенно ошибочно. Действительно, активное использование денежного станка после февраля 1917 г., породившее страшную инфляцию, равно как и полный паралич Временного правительства, способствовали победе большевиков. Булгаков был сторонником «единой и неделимой России», но именно отсутствие какой-либо национальной политики, равно как и неспособность удовлетворительно разрешить аграрный вопрос, уже в момент публикации Г. п., в ноябре 1919 г., поставило белые армии на Юге России перед катастрофой. Упорное нежелание А. И. Деникина на деле уважать широкую автономию Дона и Кубани привело к резкому падению боеспособности донских и кубанских частей, росту в них дезертирства. Отказ же от признания руководителями белого движения независимости Польши и Украины привел к тому, что осенью 1919 г. польская армия на время прекратила боевые действия против красных, а украинские войска завязали бои с деникинскими частями. Тыл ВСЮР сотрясали массовые крестьянские повстанческие движения. Булгаков в этом убедился, когда добирался из Киева на Северный Кавказ через Екатеринославскую губернию, где действовали отряды Н. И. Махно (1889-1934). Ему самому пришлось сражаться против чеченских горцев (как раз после похода на Чечен-аул, запечатленного в «Необыкновенных приключениях доктора» (1922), были созданы Г. п.). Осведомлен был Булгаков и о борьбе с белыми отрядами «зеленых» на Кубани. Все это позволило Красной Армии собраться с силами и нанести войскам Деникина решающее поражение. В конце октября — начале ноября 1919 г. части Добровольческой армии и казачьи корпуса генералов А. Г. Шкуро (Шкуры) (1887-1947) и К. К. Мамонтова (Мамантова) (1869-1920) были разгромлены в генеральном сражении в районе Воронеж — Орел — Курск.

Катастрофа стала совершенно очевидной здесь же к 9 ноября. Войска Деникина начали стремительный бег к морю, завершившийся в марте 1920 г. провальной новороссийской эвакуацией. Поэтому та часть Г. п., которая выражала казенный оптимизм, выглядела в конце ноября 1919 г. просто издевательством над читателями:

«Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все, все — и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жметя сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны. И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла..

Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их. Англичане, помня, как мы покрывали поля кровавой росой, били Германию, оттаскивая ее от Парижа, дадут нам в долг еще шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорее добраться до Москвы. И мы доберемся.

Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены. И война кончится». В это время «герои-добровольцы» вместе с донцами и кубанцами со все нарастающей скоростью катились на юг. Подобный пассаж Г. п. был явной уступкой цензуре, военной и редакторской. Укажем, что в романе Юрия Слезкина (1885-1947) «Девушка с гор» (1925) главный герой, бывший врач, а потом журналист Алексей Васильевич, прототипом которого послужил Булгаков, вспоминает редактора деникинской газеты, облаченного в английский френч и утверждавшего:

«Мы должны пробуждать мужество в тяжелую минуту, говорить о доблести, о напряжении сил». Эта редакторская установка по духу вполне совпадает с «оптимистической» частью Г. п. Однако Булгаков неслучайно

упомянул англичан, давая тем самым понять неискренность собственных бодрых утешений. Ведь Англия, в отличие от Франции, уже фактически прекратила помощь белому движению, и надеяться на британскую подмогу было бесполезно. То, что будущая борьба не сулит успеха, косвенно признавалось и в следующем месте Г. п.: «Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба». Булгаков давал понять, что с «безумцами» справиться не удастся.

Оптимизм некоторых, явно вымученных строк булгаковского фельетона читателей не обманул. Единственный известный пока отклик на Г. п. — статья П. Голодолинского «На развалинах социальной революции», опубликованная в той же газете «Грозный» 15/28 ноября 1919 г., явно принадлежит ревнителю поддержания «боевого духа» любой ценой. Он обвиняет Булгакова в пораженческих настроениях и, верно почувствовав, что автор Г. п. стремится предупредить своих читателей о неизбежном торжестве большевиков в России на длительный срок, возражает ему: «...Никогда большевизму не суждено укрепиться в России, потому что это было бы равносильно гибели культуры и возвращению к временам первобытной эпохи. Наше преимущество в том, что ужасная болезнь — большевизм посетил нашу страну первой. Конец придет скоро и неожиданно. нев народа обрушится на тех, кто толкнул его на международную бойню. Не завоевывание Москвы и не рядом выигранных сражений возьмет верх добровольческая армия, а лишь перевесом нравственных качеств». Однако Булгаков явно полагал, что одного перевеса нравственных качеств для победы недостаточно, да и не верил в наличие такого перевеса у добровольцев. Позднее, в «Красной короне» (1922) и «Беге» (1928), автор Г. п. покажет деградацию белого движения, выродившегося в «фонарную деятельность» генералов в

тылу. Разложение же белого тыла автор Г. п. еще более пессимистично запечатлел в следующем фельетоне «В кафэ» (1920).

«Несвоевременные мысли» М. Горького - это серия из 58 статей, которые были опубликованы в газете «Новая жизнь», органе группы социал-демократов. Газета просуществовала чуть больше года - с апреля 1917-го по июль 1918-го, когда она была закрыта властями как оппозиционный орган печати. Изучая произведения Горького 1890-1910-х годов, можно отметить наличие в них высоких надежд, которые он связывал с революцией. О них Горький говорит и в «Несвоевременных мыслях»: революция станет тем деянием, благодаря которому народ примет «сознательное участие в творчестве своей истории», обретёт «чувство родины», революция была призвана «возродить духовность» в народе. Но вскоре после октябрьских событий (в статье от 7 декабря 1917 года), уже предчувствуя иной, чем он предполагал, ход революции, Горький с тревогой вопрошает: «Что же нового даст революция, как изменит она звериный русский быт, много ли света вносит она во тьму народной жизни?». Эти вопросы были адресованы победившему пролетариату, который официально встал у власти и «получил возможность свободного творчества». Вся «интрига» произведения состоит в том, что мы можем увидеть столкновение идеалов, во имя которых Горький призывал к революции, с реалиями революционной действительности. Из их несовпадения вытекает один из главных вопросов, возникающих в процессе изучения статей: в чём состоит, говоря словами Горького, его «линия расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров»? Главная цель революции, по Горькому, нравственная - превратить в личность вчерашнего раба. А в действительности, как с горечью констатирует автор «Несвоевременных мыслей», октябрьские события и начавшаяся гражданская война не только не несли «в себе признаков духовного возрождения человека», но, напротив, спровоцировали «выброс» самых тёмных, самых низменных - «зоологических» - инстинктов. «Атмосфера

беснаказанных преступлений», снимающая различия «между звериной психологией монархии» и психологией «взбунтовавшихся» масс, не способствует воспитанию гражданина, утверждает писатель. Принципиальное расхождение между Горьким и большевиками кроется во взглядах на народ и в отношении к нему. Вопрос этот имеет несколько граней. Прежде всего Горький отказывается «полуобожать народ», он спорит с теми, кто, исходя из самых благих, демократических побуждений, истово верил «в исключительные качества наших Каратаевых». Вглядываясь в свой народ, Горький отмечает, «что он пассивен, но - жесток, когда в его руки попадает власть, что прославленная доброта его души - карамазовский сентиментализм, что он ужасающе невосприимчив к внушениям гуманизма и культуры».

«Русский народ обвенчался со Свободой». Но этот народ должен скинуть многовековой гнёт полицейского режима. Автор отмечает, что политическая победа — только начало. Только всенародное и демократизированное знание как орудие межклассовой борьбы и развитие культуры поможет россиянам одержать полную победу. Многомиллионный обыватель же, политически безграмотный и социально невоспитанный, опасен. «Организация творческих сил страны необходима для нас, как хлеб и воздух». Творческая сила — человек, его оружие — духовность и культурность.

Угасание духа обнаружила война: Россия немощна перед лицом культурного и организованного врага. Люди, кричавшие о спасении Европы от ложных оков цивилизации духом истинной культуры, быстро смолкли:

*«Дух истинной культуры» оказался смрадом всяческого невежества, отвратительного эгоизма, гнилой лени и беззаботности.*

«Если русский народ не способен отказаться от грубейших насилий над человеком — у него нет свободы». Коренными врагами россиян автор

считает глупость и жестокость. Нужно воспитать в себе чувство брезгливости к убийству:

*Убийство и насилие — аргументы деспотизма, ... убить человека не значит... убить идею.*

Говорить правду — искусство труднейшее из всех. Она неудобна для обывателя и неприемлема для него. Горький рассуждает о зверствах войны. Война — бессмысленное истребление людей и плодородных земель. Искусство и наука изнасилованы милитаризмом. Несмотря на разговоры о братстве и единстве интересов человечества, мир погрузился в кровавый хаос. Автор отмечает, что в этом виновны все и каждый. Сколько полезного для развития государства смогли бы сделать убитые на войне, работая на благо страны.

*Но мы истребляем миллионы жизней и огромные запасы трудовой энергии на убийство и разрушение.*

Только культура, по мнению Горького, спасёт россиян от их главного врага — глупости. После революции пролетариат получил возможность творчества, но пока оно ограничивается «водяными» фельетонами декретных комиссаров. Именно в пролетариате автор видит мечту о торжестве справедливости, разума, красоты, «о победе человека над зверем и скотом».

Главнейшим проводником культуры является книга. Однако ценнейшие библиотеки уничтожаются, книгопечатание почти прекращено.

От одного из поборников монархизма автор узнаёт, что и после революции царит бесправие: аресты совершаются по шучьему велению, к заключённым относятся жестоко. Чиновник старого режима, кадет или октябрист, становится для нынешнего режима врагом, и отношение «по человечеству» к нему самое гнусное.

После революции стало много мародёрства: толпы опустошают целые погреба, вино из которых можно было продать в Швецию и обеспечить страну необходимым — мануфактурой, машинами,

лекарствами. «Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии».

По мнению автора, большевизм не осуществит чаяний некультурных масс, пролетариат не победил. Захват банков не даёт людям хлеба — лютует голод. В тюрьмах вновь сидят невиновные, «революция не несёт признаков духовного возрождения человека». Говорят, что сначала надо взять в свои руки власть. Но автор возражает:

*Нет яда более подлого, чем власть над людьми, мы должны помнить это, дабы власть не отравила нас...*

Культура, в первую очередь европейская, может помочь ошалевшему россиянину сделаться человечнее, научить мыслить, ведь даже для многих грамотных людей не видно разницы между критикой и клеветой.

Свобода слова, дорогу которой проложила революция, пока что становится свободой клеветы. В прессе поднят вопрос: «Кто виноват в разрухе России?» Каждый из спорщиков искренне убеждён, что виноваты его противники. Именно теперь, в эти трагически дни, следует помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как «привыкли мы карать за свои грехи наших соседей».

В крови русского народа до сих пор жива рабская кровь татаро-монгольского ига и крепостничества. Но теперь «болезнь вышла наружу», и россияне будут расплачиваться за свою пассивность и азиатскую косность. Только культура и духовное очищение помогут им излечиться.

*Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоённый водкой, изуродованный цинизмом насилия... и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ.*

Нужно научить людей любить Родину, пробудить в мужике желание учиться. Истинная суть культуры — в отвращении ко всему грязному, лживому, что «унижает человека и заставляет его страдать».

Горький осуждает деспотизм Ленина и Троцкого: они прогнали от власти. При них нет свободы слова, как и при Столыпине. Народ для Ленина как руда, из которой есть шанс «отлить социализм». Он узнал по книжкам, чем можно поднять народ, хотя и не знал народа никогда. Вождь вёл к гибели и революцию, и рабочих. Революция же должна открыть для России демократию, должно уйти насилие — дух и приём касты.

Для раба наибольшая радость видеть своего владыку поверженным, т.к. он не знает радости, более достойной человека — радости «быть свободным от чувства вражды к ближнему». Она будет познана — не стоит жить, если нет веры в братство людей и уверенности в победе любви. В качестве примера автор приводит Христа — бессмертную идею милосердия и человечности.

Правительство может поставить себе в заслугу то, что самооценка русского человека повышается: моряки кричат, что за каждую их голову они будут снимать не сотни, а тысячи голов богачей. Для Горького это крик трусливых и разнузданных зверей:

*Разумеется, убить проще, чем убедить.*

О том, чтобы русский народ стал лучше, заботились мало. Горло печати зажато «новой властью», но пресса в состоянии сделать озлобление не столь отвратительным, ведь «народ учится у нас злобе и ненависти».

*Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения.*

В мире оценка человеку даётся просто: любит ли, умеет ли он работать? «Если так — вы человек, необходимый миру». А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это знает, «то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...» Революция дала простор дурным инстинктам, и, в то же время, отбросила от себя «все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны».

Автор считает, что женщина обаянием любви может превратить мужчин в людей, в детей. Для Горького дикость, что женщина-мать, источник всего хорошего вопреки разрушению, требует перевешать всех

большевиков и мужиков. Женщина — мать Христа и Иуды, Ивана Грозного и Макиавелли, гениев и преступников. Русь не погибнет, если женщина вольёт свет в этот кровавый хаос этих дней.

Сажает людей, принёсших много пользы обществу. Сажает кадетов, а ведь их партия представляет интересы значительной части людей. Комиссарам из Смольного нет дела до судьбы русского народа: «В глазах своих вождей ты всё ещё не человек». Фраза «Мы выражаем волю народа» — украшение речи правительства, которое всегда стремится овладеть волею масс хоть штыком.

Равноправие евреев — одно из лучших достижений революции: наконец дали возможность работать людям, которые умеют это делать лучше. Евреи, к изумлению автора, обнаруживают больше любви к России, чем многие русские. И нападки на евреев из-за того, что единицы из них оказались большевиками, автор считает неразумными. Честному русскому человеку приходится чувствовать стыд «за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости».

Горький возмущён долей солдат на войне: они гибнут, а офицеры получают ордена. Солдат — подстилка. Известны случаи братания русских и немецких солдат на фронте: видимо, здравый смысл подтолкнул их к этому.

Автор пишет, что в Обуховской больнице находятся более ста голодающих, 59 из них — моложе 30-ти лет. От голода умирают и выдающиеся люди России, которые много сделали для родины.

Для социально-эстетического воспитания масс Горький в сравнении с русской литературой считает более полезной европейскую — Ростана, Диккенса, Шекспира, а также греческих трагиков и французские комедии: «Я стою за этот репертуар потому, что — смею сказать — я знаю запросы духа рабочей массы».

Автор говорит о необходимости объединения интеллектуальных сил опытной интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции. Тогда возможно возродить духовные силы страны и оздоровить её. Это путь к культуре и свободе, которые должны встать над политикой:

*Политика, кто бы её ни делал, всегда отвратительна. Ей всегда сопутствует ложь, клевета и насилие.*

В своем дневнике, озаглавленном «**Окаянные дни**», **Иван Алексеевич Бунин** выразил свое резко отрицательное отношение к революции, свершившейся в России в октябре 1917 г. Это даже не дневник в строгом смысле слова, поскольку писатель восстанавливал записи по памяти, художественно их обрабатывая. Он воспринимал большевистский переворот как разрыв исторического времени. Сам Бунин ощущал себя последним, кто может чувствовать «это прошлое время наших отцов и дедов». Он хотел в «Окаянных днях» столкнуть осеннюю, увядающую красоту прежнего и трагическую бесформенность нынешнего времени. Писатель видит, как «горестно и низко клонит голову Пушкин под облачным с просветами небом, точно опять говорит: «Боже, как грустна моя Россия!» И ни души крутом, только изредка солдаты и бляди». Этому малопривлекательному новому миру, как образец уходящей красоты, представлен новый мир: «Опять несет мокрым снегом. Гимназистки идут облепленные им — красота и радость... синие глаза из-под поднятой к лицу меховой муфты... Что ждет эту молодость?» Бунин боялся, что судьба красоты и молодости в советской России будет незавидной.

Разверзшаяся геенна революции для Бунина была не только поражением демократии и торжеством тирании, но и в первую очередь невозполнимой утратой строя и лада жизни, победой воинствующей бесформенности: «В том-то и дело, что всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности». К тому же «Окаянные дни»

окрашены грустью предстоящего расставания с Родиной. Глядя на осиротевший Одесский порт, автор вспоминает свой отъезд отсюда в свадебное путешествие в Палестину и с горечью восклицает: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, богатство, счастье...» Переживаемый писателем период истории эсхатологичен. За распадом российской дореволюционной жизни Бунин угадывает распад мировой гармонии. Единственное утешение он видит в религии. И неслучайно «Окаянные дни» завершаются следующими словами: «Часто заходим в церковь, и всякий раз восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах!.. И в церкви была все время одна мысль, одна мечта: выйти на паперть покурить. А покойник? Боже, до чего не было никакой связи между всей его прошлой жизнью и этими погребальными молитвами, этим венчиком на Костяном лимонном лбу!» Писатель ощущал свою ответственность «месте со значительной частью интеллигенции за то» что в стране произошла, как ему казалось, культурная катастрофа. Он корил себя и других за прошлое равнодушие к делам религии, полагая, что благодаря этому к моменту революции пуста была народная душа. Глубоко символичным представлялось Бунину, что русские интеллигенты бывали в церкви до революции только на похоронах. Вот и пришлось в результате хоронить Российскую империю со всей ее многовековой культурой! Автор «Окаянных: дней» очень Верно заметил; «Страшно сказать, но правда; не будь народных бедствий (в дореволюционной России. — Б.С.), тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была». Слишком многим в

РОССИИ протест против социальной несправедливости был нужен только ради самого протеста\* только затем, чтобы не скучно было жить.

Крайне скептически относился Бунин и к творчеству тех писателей, что в той или иной степени приняли революцию. В «Окаянных днях» он с излишней категоричностью утверждал: «Русская литература развращена за последние десятилетия необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Всё - то и литература особенно — выходит на улицу, связывается с нею и подпадает под ее влияние. И улица развращает, нервирует уже хотя бы по одному тому, что она страшно неумеренна в своих хвалах, если ей угождают. В русской литературе теперь только «гении». Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый. Как тут быть спокойным, когда так легко и быстро можно выскочить в гении? И всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, обратить на себя внимание». Писатель был убежден, что увлечение общественно-политической жизнью пагубно сказывается на эстетической стороне творчества. Революция, провозгласившая примат политических целей над общекультурными, по его мнению, способствовала дальнейшему разрушению Русской литературы. Начало же этого процесса Бунин связывал с декадентскими и модернистскими течениями конца XIX — начала XX века и считал далеко не случайным, что писатели соответствующего направления оказались в революционном лагере.

Писатель отнюдь не идеализировал прежнюю жизнь, пороки которой он запечатлел и в «Деревне», и в «Суходоле». Там же показал он прогрессирующее вырождение дворянства как класса. Однако по сравнению с ужасами революции и гражданской войны дореволюционная Россия стала представляться Бунину едва ли не образцом стабильности и порядка. Себя же он чувствовал почти что библейским пророком, возвестившим еще в «Деревне» грядущие бедствия и дожившим до исполнения страшных пророчеств. И еще — очевидцем и

небеспристрастным летописцем очередного, бессмысленного и беспощадного русского бунта, если говорить словами Пушкина. Он приводил рассказы беженцев из Симферополя, будто там «неописуемый ужас» и солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови», а «какого-то старика-полковника живьем зажарили в паровозной топке». Бунин осуждал жестокость революции и сетовал: «Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!» Однако он видел игру, балаган, напыщенную ложь не только у революционеров, но и у их противников. Писатель понимал, что последствия переворота уже необратимы, но смириться и принять их ни в коем случае не желал. Бунин приводит в «Окаянных днях» характерный диалог старика из «бывших» с рабочим: «У вас, конечно, ничего теперь не осталось, ни Бога, ни совести», — говорит старик. «Да, не осталось». — «Вы вон пятого мирных людей расстреливали». — «Ишь ты! А как вы триста лет расстреливали?» Ужасы революции народом воспринимались как справедливое возмездие за трехсотлетнее угнетение в царствование дома Романовых. Бунин это видел. И еще видел писатель, что большевики «ради гибели «проклятого прошлого» готовы на гибель хоть половины русского народа». Оттого таким мраком веет со страниц бунинского дневника.

Как известно, В.Г. **Короленко** начал в 1920 году безответную переписку с наркомом просвещения **А. В. Луначарским** по инициативе последнего. Напоминая о своих беседах с наркомом, Короленко говорил о времени, «когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам».

Уже в первом письме от 19 июня он решительно осудил «казни без суда». И когда ему говорили, что это делается «для блага народа», он резко возражал: «Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведённые в систему и продолжающиеся

уже второй год, не принадлежат к их числу». Невольно припоминаются рассуждения Чернышевского о нравственных аспектах исторических событий. «Добро и разумность, – внушал он своим детям в письмах из сибирской ссылки, – это два термина в сущности равнозначные. Это одно и то же качество одних и тех же фактов, только рассматриваемое с разных точек зрения: что с теоретической точки зрения разумность, то с практической точки зрения – добро; и, наоборот, что добро, то непременно и разумно. – Это основная истина всех отраслей знания, относящихся к человеческой жизни; потому это основная истина и всеобщей истории <...> Критериум исторических фактов всех веков и народов – честь и совесть». Применение этого «критериума» Чернышевский показал на истории иезуитов в средние века. Развивая мысль о подлинных ценностях тех или иных исторических деяний, Чернышевский высказал своё понимание «знаменитого подлого правила», будто «цель оправдывает средства», – «подразумевается: хорошая цель, дурные средства». «Нет, – убеждённо писал он, – она не может оправдывать их, потому что они вовсе не средства для неё: хорошая цель не может быть достигаема дурными средствами. Характер средств должен быть таков же, как характер цели, только тогда средства могут вести к цели. Дурные средства годятся только для дурной цели, а для хорошей годятся только хорошие... Средства должны быть таковы же, как цель».

**Все шесть писем Короленко к Луначарскому содержат не только факты творимых большевиками «бессудных казней», но и размышления о сущности предложенного народу нового социального строя.** Писатель полагал, что «капиталистический производственный аппарат» отменён преждевременно и вместе с ним поставлена под угрозу «свобода мысли, собраний, слова и печати», которая вовсе не «буржуазный предрассудок», а «необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путём долгой и небесплодной борьбы и прогресса». «Свободы печати у нас нет,

свободы голосования – также», «вы, – обращался он к наркому, – убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупa».

Выход, по Короленко, – в свободе, в защите прав личности. Тем же стремлением уберечь личность от посягательств на свободу её самовыражения проникнуты художественные и публицистические размышления Д. А. Гранина, обнаруживающего явную «перекличку с активной гражданской позицией Короленко» (с. 105), как это показано С. Л. Скопкарёвой в первом разделе «Философские искания В. Г. Короленко и Д. А. Гранина» её книги и в разделе втором «О тенденциях предшествующей литературы», где рассмотрено, как обращение обоих писателей к элементам житийной литературы и жанра путешествий преимущественно выражает «истоки духовного сопротивления обстоятельствам», а единство художественного и документального в прозе обоих писателей явственно обнаруживает сближение обоих на основе «концепции раскрытия личностного роста реально жившего человека».

### **Горький М. «Несвоевременные мысли»**

Книга состоит из коротких заметок М. Горького, печатавшихся в петроградской газете «Новая жизнь» с 1 мая 1917 по 16 июня 1918 г.

«Русский народ обвенчался со Свободой». Но этот народ должен скинуть многовековой гнёт полицейского режима. Автор отмечает, что политическая победа — только начало. Только всенародное и демократизированное знание как орудие межклассовой борьбы и развитие культуры поможет россиянам одержать полную победу. Многомиллионный обыватель же, политически безграмотный и социально невоспитанный, опасен. «Организация творческих сил страны необходима для нас, как хлеб и воздух». Творческая сила — человек, его оружие — духовность и культурность.

Угасание духа обнаружила война: Россия немощна перед лицом культурного и организованного врага. Люди, кричавшие о спасении Европы от ложных оков цивилизации духом истинной культуры, быстро смолкли:

*«Дух истинной культуры» оказался смрадом всяческого невежества, отвратительного эгоизма, гнилой лени и беззаботности.*

«Если русский народ не способен отказаться от грубейших насилий над человеком — у него нет свободы». Коренными врагами россиян автор считает глупость и жестокость. Нужно воспитать в себе чувство безгливости к убийству:

*Убийство и насилие — аргументы деспотизма, ... убить человека не значит... убить идею.*

Говорить правду — искусство труднейшее из всех. Она неудобна для обывателя и неприемлема для него. Горький рассуждает о зверствах войны. Война — бессмысленное истребление людей и плодородных земель. Искусство и наука изнасилованы милитаризмом. Несмотря на разговоры о братстве и единстве интересов человечества, мир погрузился в кровавый хаос. Автор отмечает, что в этом виновны все и каждый. Сколько полезного для развития государства смогли бы сделать убитые на войне, работая на благо страны.

*Но мы истребляем миллионы жизней и огромные запасы трудовой энергии на убийство и разрушение.*

Только культура, по мнению Горького, спасёт россиян от их главного врага — глупости. После революции пролетариат получил возможность творчества, но пока оно ограничивается «водяными» фельетонами декретных комиссаров. Именно в пролетариате автор видит мечту о торжестве справедливости, разума, красоты, «о победе человека над зверем и скотом».

Главнейшим проводником культуры является книга. Однако ценнейшие библиотеки уничтожаются, книгопечатание почти прекращено.

От одного из поборников монархизма автор узнаёт, что и после революции царит бесправие: аресты совершаются по щучьему велению, к

заключённым относятся жестоко. Чиновник старого режима, кадет или октябрист, становится для нынешнего режима врагом, и отношение «по человечеству» к нему самое гнусное.

После революции стало много мародёрства: толпы опустошают целые погреба, вино из которых можно было продать в Швецию и обеспечить страну необходимым — мануфактурой, машинами, лекарствами. «Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии».

По мнению автора, большевизм не осуществит чаяний некультурных масс, пролетариат не победил. Захват банков не даёт людям хлеба — лютует голод. В тюрьмах вновь сидят невиновные, «революция не несёт признаков духовного возрождения человека». Говорят, что сначала надо взять в свои руки власть. Но автор возражает:

*Нет яда более подлого, чем власть над людьми, мы должны помнить это, дабы власть не отравила нас...*

Культура, в первую очередь европейская, может помочь ошалевшему россиянину сделаться человечнее, научить мыслить, ведь даже для многих грамотных людей не видно разницы между критикой и клеветой.

Свобода слова, дорогу которой проложила революция, пока что становится свободой клеветы. В прессе поднят вопрос: «Кто виноват в разрухе России?» Каждый из спорщиков искренне убеждён, что виноваты его противники. Именно теперь, в эти трагически дни, следует помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как «привыкли мы карать за свои грехи наших соседей».

В крови русского народа до сих пор жива рабская кровь татаро-монгольского ига и крепостничества. Но теперь «болезнь вышла наружу», и россияне будут расплачиваться за свою пассивность и азиатскую косность. Только культура и духовное очищение помогут им излечиться.

*Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоённый водкой, изуродованный цинизмом насилия... и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ.*

Нужно научить людей любить Родину, пробудить в мужике желание учиться. Истинная суть культуры — в отвращении ко всему грязному, лживому, что «унижает человека и заставляет его страдать».

Горький осуждает деспотизм Ленина и Троцкого: они прогнали от власти. При них нет свободы слова, как и при Столыпине. Народ для Ленина как руда, из которой есть шанс «отлить социализм». Он узнал по книжкам, чем можно поднять народ, хотя и не знал народа никогда. Вождь вёл к гибели и революцию, и рабочих. Революция же должна открыть для России демократию, должно уйти насилие — дух и приём касты.

Для раба наибольшая радость видеть своего владыку поверженным, т.к. он не знает радости, более достойной человека — радости «быть свободным от чувства вражды к ближнему». Она будет познана — не стоит жить, если нет веры в братство людей и уверенности в победе любви. В качестве примера автор приводит Христа — бессмертную идею милосердия и человечности.

Правительство может поставить себе в заслугу то, что самооценка русского человека повышается: моряки кричат, что за каждую их голову они будут снимать не сотни, а тысячи голов богачей. Для Горького это крик трусливых и разнузданных зверей:

*Разумеется, убить проще, чем убедить.*

О том, чтобы русский народ стал лучше, заботились мало. Горло печати зажато «новой властью», но пресса в состоянии сделать озлобление не столь отвратительным, ведь «народ учится у нас злобе и ненависти».

*Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения.*

В мире оценка человеку даётся просто: любит ли, умеет ли он работать? «Если так — вы человек, необходимый миру». А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это знает, «то —

нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...» Революция дала простор дурным инстинктам, и, в то же время, отбросила от себя «все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны».

Автор считает, что женщина обаянием любви может превратить мужчин в людей, в детей. Для Горького дикость, что женщина-мать, источник всего хорошего вопреки разрушению, требует перевешать всех большевиков и мужиков. Женщина — мать Христа и Иуды, Ивана Грозного и Макиавелли, гениев и преступников. Русь не погибнет, если женщина вольёт свет в этот кровавый хаос этих дней.

Сажая людей, принёсших много пользы обществу. Сажая кадетов, а ведь их партия представляет интересы значительной части людей. Комиссарам из Смольного нет дела до судьбы русского народа: «В глазах своих вождей ты всё ещё не человек». Фраза «Мы выражаем волю народа» — украшение речи правительства, которое всегда стремится овладеть волею масс хоть штыком.

Равноправие евреев — одно из лучших достижений революции: наконец дали возможность работать людям, которые умеют это делать лучше. Евреи, к изумлению автора, обнаруживают больше любви к России, чем многие русские. И нападки на евреев из-за того, что единицы из них оказались большевиками, автор считает неразумными. Честному русскому человеку приходится чувствовать стыд «за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости».

Горький возмущён долей солдат на войне: они гибнут, а офицеры получают ордена. Солдат — подстилка. Известны случаи братания русских и немецких солдат на фронте: видимо, здравый смысл подтолкнул их к этому.

Автор пишет, что в Обуховской больнице находятся более ста голодающих, 59 из них — моложе 30-ти лет. От голода умирают и выдающиеся люди России, которые много сделали для родины.

Для социально-эстетического воспитания масс Горький в сравнении с русской литературой считает более полезной европейскую — Ростана, Диккенса, Шекспира, а также греческих трагиков и французские комедии: «Я стою за этот репертуар потому, что — смею сказать — я знаю запросы духа рабочей массы».

Автор говорит о необходимости объединения интеллектуальных сил опытной интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции. Тогда возможно возродить духовные силы страны и оздоровить её. Это путь к культуре и свободе, которые должны встать над политикой:

*Политика, кто бы её ни делал, всегда отвратительна. Ей всегда сопутствует ложь, клевета и насилие.*

Ужас, глупость, безумие — от человека, как и сотворённое им прекрасное на земле. Горький призывает к человеку, к его вере в победу добрых начал над злыми. Человек грешен, но он искупает свои грехи и грязь невыносимыми страданиями.

**Из писем Вл. Короленко к Луначарскому**

**Изд. "Задруга". Париж.1922.**

#### Письмо первое

... Вы знаете, что в течение своей литературной жизни я "сеял не одни розы" (выражение Ваше в одной из статей обо мне). При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоевал себе право говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой. Порой мне удавалось даже спасти уже обреченные жертвы военных судов, и были случаи, когда после приостановления казни получались доказательства невиновности и жертвы освобождались (напр. в деле Юсупова), хотя бывало, что эти доказательства приходили слишком поздно (в деле Глускера и др.).

Но казни без суда, казни в административном порядке — это бывало величайшей редкостью даже и тогда. Я помню только один случай, когда

озверевший Скалон (варшавский генерал-губернатор) расстрелял без суда двух юношей. Но это возбудило такое негодование даже в военно-судных сферах, что только "одобрение" после факта неумного царя спасло Скалона от предания суду. Даже члены главного военного суда уверяли меня, что повторение этого более невозможно.

Много и в то время, и после этого творилось невероятных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских чрезвычайных следственных комиссий представляет пример может быть единственный в истории культурных народов. Однажды один из видных членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской ЧК, куда я часто приходил... с разными ходатайствами, спросил меня о моих впечатлениях. Я ответил: если бы при царевой власти окружные жандармские управления получили право не только ссылать в Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь. На это мой собеседник ответил: – Но ведь это на благо народа.

Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведенные в систему и продолжающиеся уже второй год, не принадлежат к их числу. ...

... Не говорите, что революция имеет свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революционной толпы, обгадрившей улицы кровью даже в XIX столетии, но это были вспышки стихийной, а не систематизированной ярости. И они надолго оставались (как расстрел заложников коммунарами) кровавыми маяками, вызывавшими не только лицемерное негодование версальцев, которые далеко превзошли в жестокости коммунаров, но и самих рабочих и их друзей... надолго это кидало омрачающую и заглушающую тень и на самоё социалистическое движение.

... Это мрачное происшествие (речь идет о расстреле неких Аронова и Миркина по обвинению в хлебной спекуляции. Продовольственные власти не усмотрели в их действиях нарушения закона. – Ред.) напоминает общеизвестный эпизод великой французской революции. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это тогда тоже самым близоруким образом – происками аристократов и спекулянтов, и возбуждало слепую ярость толпы. Конвент "пошел навстречу народному чувству", и головы тогдашних Ароновых и Миркиных летели десятками под ножом гильотины. Ничто, однако, не помогло, дороговизна только росла. Наконец, парижские рабочие первые очнулись от рокового угара. Они обратились к Конвенту с петицией, в которой говорили: "мы просим хлеба, а вы думаете нас накормить казнями". По мнению Мишле, историка-социалиста, из этого утомления казнями в С.Антуанском предместье взметнулись первые взрывы контрреволюции.... и ... Мне горько думать, что и вы, А.В., вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали как будто солидарность с этими "административными расстрелами". В передаче местных газет это звучит именно так. От души желаю, чтобы в вашем сердце зазвучали опять отголоски настроения, которое когда-то роднило нас в главных вопросах, когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам. Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее.

#### Письмо второе

(Вл. Короленко описывает митинг в Чикаго, где представители различных партий и течений одновременно излагали свои программы и любой из участников двухсоттысячного митинга мог ознакомиться с ними, переходя от одной "платформы" к другой. На митинге Вл.

Короленко обратился со следующим вопросом к видному представителю социалистической партии Чикаго Стоуну):

... – Желали бы вы, чтобы во всех этих головах повернулась сразу какая-то логическая машинка, и они, а, пожалуй, и весь народ обратился к вам, социалистам, и сказал бы: мы в вашей власти. Устраивайте нашу жизнь?

– Сохрани бог, – ответил американский социалист решительно.

– Почему же?

– Ни мы, ни эта толпа, ни учреждения Америки еще к этому не готовы. Я – марксист. По нашему мнению, капитализм еще не закончил своего дела. Недавно здесь был Энгельс. Он говорил: "Ваш капитал отлично исполняет свою роль. Все эти дома-монстры отлично послужат будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена" И это правда... Что касается до всесторонней организации народного хозяйства огромной страны на социалистических началах, то эта задача для нашей партии еще не по силам... Мы, марксисты, отлично понимаем, что нам придется иметь дело не с людьми, сразу превратившимися в ангелов, а с миллионами отдельных, скажем даже здоровых эгоизмов, для примирения которых потребуются трудная выработка и душ, и переходных учреждений... Америка дает для этого отличную свободную почву, но пока и только.

... Нужно много условий, как политическая свобода, просвещение, нужна выработка новых общественных сплетений на прежней почве, нужны растущие перемены в учреждениях и в человеческих нравах. Словом нужно то, что один мой (Вл. Короленко – прим.) близкий знакомый и друг, основатель румынского социализма, истинный марксист Геря-Доброджану назвал "объективными и субъективными условиями социального переворота"...

На мой взгляд, это основа философии Маркса. И вот почему. Энгельс в самом конце прошлого столетия говорил, что даже Америка еще не готова для социального переворота.

(Из того, что "не передовая в развитии социализма Германия, где социалистические организации развиты более всех стран, а отсталая Россия, которая до февральской революции не знала совсем легальных социалистических организаций, – выкинула знамя социальной революции", румынские возражатели Доброджану делали, как будто вывод): чем меньше "объективных и субъективных условий" в стране, там она больше готова к социальному перевороту.

Эту аргументацию можно назвать чем угодно, только не марксизмом.

... Приезд делегации английских рабочих закончился горьким письмом к ним Ленина, которое звучит охлаждением и разочарованием (по поводу того, что английские тред-юнионы не хотят поддержать русскую революцию – Прим.). Зато с востока советская республика получает горячие приветствия. Но – следует только вдуматься, что знаменует эта холодность английских рабочих-социалистов и приветы фанатического востока, чтобы представить себе ясно их значение.

... Когда... вы захотите себе ясно представить картину... своеобразных восточных митингов на площадях перед мечетями, где странствующие дервиши призывают сидящих на корточках слушателей к священной войне с европейцами и вместе с тем к приветствию русской советской республики, то едва ли вы скажете, что тут речь идет о прогрессе в смысле Маркса и Энгельса... Скорее наоборот: Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского.

*11 июля 1920 г.*

#### Письмо третье.

... Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к

политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере к коммунистическому правительству.

Нравы остались прежние, уклад жизни тоже. Уровень просвещения за время войны сильно подняться не мог, однако выводы стали радикально противоположные. От диктатуры дворянства... мы перешли к "диктатуре пролетариата". Вы, партия "большевиков", провозгласили ее, и народ прямо от самодержавия перешел к вам и сказал: "устраивайте нашу жизнь".

Народ поверил, что вы можете это сделать. Вы не отказались. Вам это казалось легко, и вы непосредственно после политического переворота начали социальную революцию.

Известный вам английский историк Карлейль говорил, что правительства чаще всего погибают от лжи... Вашей диктатуре предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль, и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская диктатура отвечала: от мужицкой лени и пьянства. Голодовки растут не от того, что у нас воцарился мертвящий застой, что наша главная сила, земледелие, скована дурными земельными порядками, а исключительно от недостатка опеки над народом лентяев и пьяниц... ... Что у нас пьянства было много – это была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства, как класса, состояла не в пьянстве, а в труде и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи... Образованное общество пыталось с нею бороться... Но народные массы верили только царям и помогали им подавлять всякое освободительное движение. У самодержавного строя не было умных людей, которые поняли бы, как эта ложь, поддерживаемая слепой силой, самым реальным образом ведет строй к гибели... Вместо того чтобы внять истине и

остановиться, оно (самодержавие) только усиливало ложь, дойдя, наконец, до чудовищной нелепости, "самодержавной конституции", т.е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме.

И строй рухнул.

Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом носит такой же широкий, "классовый" характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая "буржуазия" ("буржуй") представляет только класс тунеядцев и грабителей, стригущих купоны – и ничего больше.

Правда ли это?.. Можете ли это говорить вы – марксисты?

... Когда вы, марксисты, вели ожесточенную полемику с народниками, Вы доказывали, что России необходимо и благотельно пройти через "стадию капитализма"... Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли, организующим производство. Несмотря на все его недостатки, вы считали, совершенно согласно с учением Маркса, что такая организация благотельна для отсталых в промышленном отношении стран...

Почему же теперь иностранное слово "буржуа" – целое, огромное и сложное понятие, с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о "буржуе", исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

Совершенно так же, как ложь дворянской диктатуры, подменившая классовое значение крестьянства представлением о тунеядце и пьянице, ваша формула подменила роль организатора – представлением исключительно грабителя... Тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную

ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины. Частичную истину вы выдали за всю истину (ведь и пьянство тоже было). И теперь это принесло свои плоды. Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость – народное достояние, добытое "благодетельным процессом", что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое, подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внушили народу, что все это – только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь. Говоря это, я имею в виду не одни материальные ценности в виде созданных капитализмом фабрик, заводов, машин, железных дорог, но и те новые процессы и навыки, ту новую социальную структуру, которую вы, марксисты, сами имели в виду, когда доказывали благодетельность "капиталистической стадии"...

... Своим лозунгом "грабь награбленное" вы сделали то, что деревенская грабежка, погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в города, где быстро стал разрушаться созданный капиталистическим строем производственный аппарат.

... Теперь вы спохватились, но, к сожалению, слишком поздно, когда страна стоит в страшной опасности перед одним забытым вами фронтом. Фронт этот – враждебные силы приводы.

#### Письмо четвертое

... Европейский пролетариат за вами не пошел, и его настроение в массе является настроением того американского социалиста Стоуна, мнение которого я приводил во втором письме. Они думают, что капитализм даже в Европе не завершил своего дела и что его работа еще может быть полезной для будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и небесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся

пользоваться совместно с народом, объявляем их "буржуазным предрассудком", лишь тормозящим дело справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем "народе богоносце" и еще более нашу национальную сказку об Иванушке, который без науки все науки превзошел и которому все удастся без труда по щучьему велению. Сама легкость, с которой вам удалось повести за собой ваши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а наоборот, на незрелость нашего народа. Механика знает полезное и вредное сопротивление. Вредное мешает работе механизма и подлежит устранению. Но без полезного сопротивления механизм будет вращаться впустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у нас. Вы выкинули самые максималистские лозунги, вы воюете во имя социализма, вы побеждаете его именем на полях сражений, но вся эта суета во имя коммунизма нисколько не знаменует его победы....

... Не всякое отсутствие навыков буржуазного общества знаменует готовность к социализму... По натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в воспитании нравственной культуры. У него нет того самоуважения, которое заставляет воздерживаться от известных поступков (речь идет, прежде всего, о воровстве в широком смысле слова – Прим.), даже когда этого никто не узнает. Это надо признать и надо вывести из этого необходимые последствия.

Нам надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть нечто неоформленное и неопределенное, и вы до сих пор не выяснили, что вы под ним понимаете, – для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы...

... И это (отставание в нравственной культуре – Прим.) с тех пор, как вы провозгласили коммунизм, не ослабло, а усилилось в огромной

степени... И никакими расстрелами вы с этой стихией не справитесь. Тут нужно нечто другое, и во всяком случае до коммунизма еще далеко...

### Письмо пятое

Приходится задуматься о причинах явного разлада между западноевропейскими социалистами и вами, вождями российского пролетариата. Ваша монополярная печать объясняет это тем, что вожди социализма в западной Европе продались буржуазии. Но простите, такая же пошлость, как и то, когда вас самих обвинили в подкупности со стороны Германии.

Нет надобности искать низких причин для объяснения факта этого разлада. Он коренится гораздо глубже – в огромной разнице настроений. Даже в том, что вожди европейского социализма в течение уже десятков лет руководили легально массовой борьбой своего пролетариата, проникли в эти массы, создали широкую и стройную организацию, добились ее легального признания.

Вы никогда не были в таком положении. Вы только конспировали, и самое большее, руководили конспирацией, пытавшейся проникнуть в рабочую среду. Это создает совершенно другое настроение, другую психологию.

Европейские руководители социализма, принимая то или другое решение, рекомендуя его своим последователям, привыкли взвешивать все стороны этого шага. Когда, например, объявлялась стачка, то вождям приходилось обдумывать все, не только ее агитационное значение, но и всесторонние последствия ее для самой рабочей среды, в том числе данное состояние промышленности. Сможет ли масса выдержать стачку, в состоянии ли капитал уступить без расстройств самого производства, которое отразится опять на тех же рабочих? Одним словом, они принимали ответственность не только за самую борьбу, но и за то, как

отразится рекомендуемая ими мера на благосостоянии рабочих. Они привыкли чувствовать взаимную зависимость между капиталом и трудом.

Вы в таком положении никогда не были, потому что благодаря бессмысленному давлению самодержавия, никогда не выступали легально. Вам лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидеть в тюрьмах за то, что во всей Европе было признано правом массы и правом ее вождей, и этот риск тюрьмы, ссылки, каторги заменял для вас в ваших собственных глазах и в глазах рабочих всякую иную ответственность. Если от ошибки в том или другом вашем плане рабочим и их семьям приходилось напрасно голодать и терпеть крайнюю нужду, то и вы получали свою долю страдания в другой форме.

И вот почему вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату. Вот почему вы не могли выработать чутья к жизни, к сложным возможностям самой борьбы, и вот откуда у вас одностороннее представление о капитале, как исключительно о хищнике, без усложняющего представления об его роли в организации производства.

И отсюда ваше разочарование и горечь по отношению к западноевропейскому социализму.

Рабочие вначале пошли за вами.... Они ринулись за вами, т.е. за мечтой немедленного осуществления социализма.

Но действительность остается действительностью. Для рабочей массы тут все-таки не простая схема, не один конечный результат, как для вас, а вопрос непосредственной жизни их и их семей. И рабочая масса прежде всех почувствовала на себе последствия вашей схематичности. Вы победили капитал, и он теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что он соединен еще с производством такими живыми нитями, что, убив его, вы убили также производство....

... И вот рабочая среда начинает чувствовать вашу основную ошибку и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в

огромном большинстве западноевропейских социалистов: в ней явно усиливается меньшевизм, т.е. социализм, но не максималистского типа.... Он признает, что некоторые достижения буржуазного строя представляют общенародное достояние. Вы боретесь с этим настроением. Когда-то признавалось, что Россией самодержавно правит воля царя. Но едва где-нибудь проявлялись воля этого бедняги-самодержца, не вполне согласная с намерением правящей бюрократии, у последней были тысячи способов привести самодержца к повиновению. Не то же ли с таким же беднягой нынешним "диктатором"? Как вы узнаете и как вы выражаете его волю? Свободной печати у нас нет, свободы голосования – также. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах царствует внутреннее благополучие, в то время, когда люди слепо "бредут врозь" от голода. Провозглашается победа коммунизма в украинской деревне в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом, и чрезвычайки уже подумывают о расстреле заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестовываются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем официозе: "дорогу красному печатнику" или иной красной группе рабочих, которые до тех пор были в меньшинстве. Из суммы таких явлений и складывается то, что вы зовете "диктатурой пролетариата"....

... Когда-то еще при самодержавии... в одном юмористическом органе был изображен самодержец, сидящий на штыках. Подпись – "неудобное положение" иди что-то в этом роде.

В таком же неудобном положении находится теперь ваша коммунистическая правящая партия. Положение ее в деревне прямо трагическое.... Ваша партия утешает себя тем, что это только куркули (деревенские богачи), что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь – и богачей, и бедных одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро изменилось бы. Ближайшие ваши союзники, социалисты-меньшевики, сидят в тюрьмах....

... Одно время шел вопрос о расстреле Навроцкого (рабочий-печатник, по-видимому меньшевик, бывший в ссылке сначала при царизме, а затем – сосланный в северные губернии ЧК) за его речь против новых притеснений свободы мнений в рабочей среде. Чего доброго, это легко могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычайек и прежних жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать, – ваши чрезвычайки имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью.

#### Письмо шестое.

В чем вы разошлись с вождями европейского социализма и начинаете все больше и больше расходиться с собственной рабочей средой? Ответ на этот вопрос я дал выше: он в вашем максимализме.

Логически это положение самое легкое: требуй всего сразу, и всех, кто останавливается сразу перед сложностью и порой исполнимостью задачи, называй непоследовательным, глупым, а порой и изменником делу социализма, соглашателем, колчаковцем, деникинцем, вообще изменником...

Неудобство этого приема состоит в том, что и вы сами не можете осуществить всего сразу...

... Логика – одно из могучих средств мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображение, дающее возможность охватывать сложность конкретных явлений. Это свойство необходимо для такого

дела, как управление огромной страной. У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете сложности действительности... Вы – только математики социализма, его логики и схематики...

... Стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой явится интеллигенция. Потом – городские рабочие. Дольше всех будут держаться хорошо устроенные коммунисты и квасная армия. Но уже и в этой среде среди добросовестных людей заметны признаки обнищания. Лучше всех живется всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения...

... Вы с легким сердцем приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максимальной революции. Вы должны уже сами видеть, что в этом вы ошиблись... Вам приходится довольствоваться легкой победой последовательного схематического оптимизма над "соглашателями", но уже ясно, что в общем рабочая Европа не пойдет вашим путем, и Россия, привыкшая подчиняться всякому угнетению, не выработавшая формы для выражения своего истинного мнения, вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве.

Куда? Что представляет ваш фантастический коммунизм?

Известно, что еще в прошедшем столетии являлись попытки перевести коммунистическую мечту в действительность. Вы знаете, чем они кончились. ... Все они кончились печальной неудачей, раздорами, трагедиями для инициаторов... И все эти благородные мечтатели (Вл. Короленко упоминает Оуэна, фурьеристов, сен-симонистов и т.д. – Прим.) кончали сознанием, что человечество должно переродиться прежде, чем уничтожить (капитализм – Прим.) (если вообще коммуна осуществима)...

... Вообще процесс ... распределения, за который вы взялись с таким легким сердцем, представляет процесс долгой и трудной подготовки "объективных и субъективных условий", для которого

необходимо все напряжение общей самодеятельности и, главное, свободы. Только такая самодеятельность, только свобода всяких опытов могут указать, что выдержит критику практической жизни и что обречено на гибель.

... Вы ввели свой коммунизм в казармы (достаточно вспомнить "милитаризацию труда"). По обыкновению самоуверенно, недолго раздумывая над разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни... Не создав почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма, введение которого составляет насущнейшую задачу современности.

... Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учреждения. А это, в свою очередь, требует свободы мысли и начинания для новых форм жизни. Силой задерживать эту самодеятельность в обществе и в народе – это преступление, которое совершало наше недавнее павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее – это силой навязывать новые формы жизни, удобства которых народ еще не сознал и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте. И вы в нем виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата.

Социальная справедливость – дело очень важное, и вы справедливо указываете, что без нее нет и полной свободы. Но и без свободы невозможно достигнуть справедливости. Корабль будущего приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливости, никогда не теряя из виду обоих вместе. Сколько бы вы ни утверждали, что буржуазная свобода является только обманом, закрепощающим рабочий класс, в этом вам не удастся убедить европейских рабочих... Политических революций было много, социальной не было еще ни одной.

Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы.

Что из этого может выйти? Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы еще только у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что испытываем теперь...

... Народ, который не научился еще владеть аппаратам голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: грабь награбленное), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться, а не учить других.

Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечеств. Одним словом, на всех фронтах вы являетесь победителями, не замечая внутреннего недуга, делающего вас бессильными перед фронтом природы...

Россия стоит в раздумьи между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться.

Внешнее вмешательство только затемнило бы опыт...

... Понадобилось бы все напряжение честности и добросовестности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбие и свернуть на другую дорогу – на дорогу, которую вы называете соглашательством...

... Этот путь представляется мне единственным, дающим России достойный выход из настоящего невозможного положения (заметим, что введение НЭПа в следующем, 1921 году, означало такой поворот – Прим.).

... Давно сказано, что всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила... Вы являетесь только настоящим выражением ее прошлого, с рабской покорностью перед самодержавием даже в то время, когда, истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще нескольких, за ней последовавших, оно перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны. В это время народ был на его стороне, а Россия была обречена на гниль и разложение. Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные.

Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего.

Но под влиянием упорно ретроградского правительства у нас было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная трудящему народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию и вела мечтательно озлобленную жизнь вне открытых связей с родной действительностью. А это в свою очередь извращало интеллигентную мысль, направляя ее на путь схематизма и максимализма.

Затем случайности истории внезапно разрушили эту перегородку между народом, жившим так долго без политической мысли, и интеллигенцией, жившей без народа, т.е. без связи с действительностью. И вот, когда перегородка внезапно рухнула, смесь чуждых так долго элементов вышла ядовитой. Произошел взрыв, но не тот плодотворный

взрыв, который разрушает только то, что мешало нормальному развитию страны, а глубоко задевший живые ткани общественного организма. И вы явились единственными представителями русского народа с его привычной к произволу, с его наивными ожиданиями "всего сразу", с отсутствием даже начатков организации и творчества...

И вот истинное благотворное чудо состояло бы в том, чтобы вы, наконец, сознали свое одиночество не только среди европейского социализма, но начавшийся уже уход от вас вашей собственной рабочей среды, не говоря уже о положительной ненависти деревни к вашему коммунизму, — сознались бы и отказались бы от губительного пути насилия. Но это дано делать честно и полно. Может быть у вас еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом. И главная из них та, что многое в капиталистическом строе вы устранили преждевременно и возможная мера социализма может войти только в свободную страну.

Правительства погибали ото лжи... Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и вашего правительства, то это будет благотельно для страны и для роста в ней социалистического сознания. Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?

22 сентября 1928г.

## Контрольные вопросы

1. Противоречивость развития культуры в 20-е 30 –е годы. Создание нового героя.
2. Сюжетные особенности в творчестве М.А. Булгакова
3. Как бы вы определили композицию произведения Булгакова?
4. Какое время охватывает события романа?
5. Зачем понадобился Булгакову такой художественный прием – параллельно повествованию о современности вести еще и линию романа, написанного Мастером и рассказывающего о событиях, которые происходили две тысячи лет назад?
6. Каким проблемам посвящен роман Булгакова?
7. Как бы вы охарактеризовали нравственный мир казачества? Какие традиции лежат в основе взаимоотношений казаков друг с другом? Каковы критерии оценки человека в казачьей среде?
8. Каким вы видите Григория Мелехова, Аксинью, Дуняшку?
9. Как относится Григорий к кодексу казачьей чести? С каким настроением он идет на военную службу?
10. Почему реализм Шолохова часто называют «свирепым», «беспощадным», «жестоким»?
11. Гражданская война в творчестве М.А. Шолохова.
12. Литература периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет
13. Чем поучительна история Андрея Соколова? Какие грани русского национального характера этот герой воплощает?
14. А.И. Солженицын. Анализ рассказа «Один день Ивана Денисовича».
15. Почему произведение о лагерном мире ограничивается описанием одного дня?

16. Почему для изображения трагических обстоятельств жизни героя писатель выбирает «день, ничем не омраченный, почти счастливый...»?
17. Как вы думаете, почему главным героем рассказа выбран именно Иван Денисович, простой крестьянин?
18. Выделите автобиографические моменты в рассказе «Матренин дом».
19. Подготовьте выразительное чтение пейзажных зарисовок. С каким описанием ассоциируется название рассказа?
20. Раскройте тему «Прошлое и настоящее Матрены». Покажите, какую роль в рассказе выполняет тот и другой план.

**Учебно-методическое и информационное обеспечение учебной дисциплины**

**Основная литература**

| № п/п | Наименование, вид издания                                                                                             | Автор(-ы), составитель(-и), редактор(-ы)                                                          | Место издания, издательство, год | В библиотеке | На кафедре |
|-------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------|--------------|------------|
| 1     | 2                                                                                                                     | 3                                                                                                 | 4                                | 5            | 6          |
| 1     | <u>Русский язык и литература. Литература. 10 класс</u> : учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый уровень. Ч. 1  | Ю. В. Лебедев                                                                                     | М. : Просвещение, 2016.          | 100          |            |
| 2     | <u>Русский язык и литература. Литература. 10 класс</u> : учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый уровень. Ч. 2  | Ю. В. Лебедев                                                                                     | М. : Просвещение, 2016.          | 100          |            |
| 3     | <u>Русский язык и литература. Литература. 11 класс</u> : учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый уровень. Ч. 1  | О. Н. Михайлов, И. О. Шайтанов, В. А. Чалмаев [и др.] ; сост. Е. П. Пронина ; ред. В. П. Журавлев | М. : Просвещение, 2016.          | 100          |            |
| 4     | <u>Русский язык и литература. Литература. 11 класс</u> : учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый уровень. Ч. 2. | О. Н. Михайлов, И. О. Шайтанов, В. А. Чалмаев [и др.] ; сост. Е. П. Пронина ; ред. В. П. Журавлев | М. : Просвещение, 2016.          | 100          |            |

**Дополнительная литература**

| № п/п | Наименование, вид издания                                                         | Автор(-ы), составитель(-и), редактор(-ы) | Место издания, издательство, год | В библиотеке | На кафедре |
|-------|-----------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------|----------------------------------|--------------|------------|
| 1     | 2                                                                                 | 3                                        | 4                                | 5            | 6          |
| 1     | <u>Русский язык и культура речи</u> : учеб. пособие для бакалавров и магистрантов | Л. А. Введенск                           | Ростов н/Д :                     | 148          |            |

|   |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                  |                                      |                             |             |  |
|---|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------|-----------------------------|-------------|--|
|   |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                  | ая, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева     | Феникс, 2013.               |             |  |
| 2 | <u>Русский язык и литература</u> [Электронный ресурс] : сб. тестовых заданий с эталонами ответов для внеаудитор. (самостоят.) работы студентов по специальностям 33.02.01 - Фармация, 31.02.03 - Лабораторная диагностика, 34.02.01 - Сестринское дело (очная форма обучения). Ч. 1.. - Режим доступа: <a href="http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=55177">http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=55177</a> | сост. Т. Г. Демиденко, Л. Н. Коновец | Красноярск : КрасГМУ, 2015. | ЭБС КрасГМУ |  |
| 3 | <u>Русский язык и литература</u> [Электронный ресурс] : сб. тестовых заданий с эталонами ответов для внеаудитор. (самостоят.) работы студентов по специальностям 33.02.01 - Фармация, 31.02.03 - Лабораторная диагностика, 34.02.01 - Сестринское дело (очная форма обучения). Ч. 2.. - Режим доступа: <a href="http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=55178">http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=55178</a> | сост. Т. Г. Демиденко, Л. Н. Коновец | Красноярск : КрасГМУ, 2015. | ЭБС КрасГМУ |  |
| 4 | <u>Русский язык и литература. Литература</u> [Электронный ресурс] : сб. метод. указаний для студентов к практ. занятиям на базе основного общего образования. Ч. 2.. - Режим доступа: <a href="http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=65701">http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=65701</a>                                                                                                                  | сост. Л. Н. Коновец, Т. Г. Демиденко | Красноярск : КрасГМУ, 2016. | ЭБС КрасГМУ |  |
| 5 | <u>Русский язык и литература. Литература</u> [Электронный ресурс] : сб. метод. указаний для студентов к практ. занятиям на базе основного общего образования. Ч. 1.. - Режим доступа: <a href="http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=65702">http://krasgmu.vmede.ru/index.php?page[common]=elib&amp;cat=&amp;res_id=65702</a>                                                                                                                  | сост. Л. Н. Коновец, Т. Г. Демиденко | Красноярск : КрасГМУ, 2016. | ЭБС КрасГМУ |  |

### Электронные ресурсы:

ЭБС КрасГМУ «Colibris»  
 ЭБС Консультант студента ВУЗ  
 ЭБС Консультант студента Колледж  
 ЭМБ Консультант врача  
 ЭБС Айбукс  
 ЭБС Букап  
 ЭБС Лань  
 ЭБС Юрайт  
 СПС КонсультантПлюс  
 НЭБ eLibrary